

Золотые пески Болгарии

Саша Кругосветов

КЛЕТКА

Золотые пески Болгарии

Саша Кругосветов

Клетка

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Кругосветов С.

Клетка / С. Кругосветов — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2018 — (Золотые пески Болгарии)

ISBN 978-5-906957-99-3

Утром в свой 27-ой день рождения Борис Кулагин проснулся у себя дома. Он только что проводил Клару после ночи любви и приготовил себе завтрак. В дверь позвонили, вошли два незнакомца. Они объявили, что Борис арестован. Кем и за что арестован, не знают, им и не положено то знать. В процессе встреч с дознавателем, следователем, многочисленными адвокатами и посредниками Борису так и не удастся выяснить, что за таинственное ведомство ведет судебный процесс над ним и в чём его обвиняют. На тяжбы и метания в поисках спасения уходит вся его жизнь. Перед смертью он понимает, что надо было согласиться с обвинением, нужно было во всем сознаться — сознаться в чем? Так или иначе, все в чем-нибудь виновны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-99-3

© Кругосветов С., 2018
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2018

Содержание

Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда	7
1	14
2	29
3	33
4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Саша Кругосветов

Клетка

© Саша Кругосветов, 2018

© М.Свириденков, 2018

© Интернациональный Союз писателей, 2018

* * *

Саша Кругосветов (настоящее имя: Лев Яковлевич Лапкин) – писатель, куратор Санкт-Петербургского отделения Интернационального Союза писателей, член Международной ассоциации авторов и публицистов АРІА (Лондон).

Наиболее известен как автор серии книг для детей о путешествиях капитана Александра и произведениями для взрослых в жанре публицистики и художественной прозы (мейнстрима). Последние вошли в книги «Сто лет в России», «А рыпаться все равно надо», «Живите в России», «Послания из прошлого», «Птицы», «Светящиеся ворота», «Заметки в ЖЖ», «Сжечь мосты», «Пора домой», двухтомник «Остров Мория. Пацанская демократия», двухтомник «Цветные рассказы».

До писательской карьеры работал в сфере научных исследований. В 27 лет стал кандидатом технических наук. Опубликовал более ста научных трудов в области математики и электроники, а также получил 27 авторских свидетельств (все разработки были внедрены). Руководил подразделениями, занимающимися исследованием и проектированием в области ракетостроения. Позднее руководил подразделением в Академии Наук СССР. Был руководителем ряда опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ. Параллельно преподавал в Институте повышения квалификации руководящих работников. В 1991 году ушел из Академии в связи с закрытием направления.

В настоящее время предприниматель, руководитель предприятия. Ветеран труда. Награжден медалями «За доблестный труд», «За вклад в развитие местного самоуправления», медалью Российского императорского дома «Юбилей Всенародного Подвига. 1613–2013» за деятельность на благо Российского государства.

Среди наиболее значимых литературных наград – премии фестиваля фантастики «Роскон»: «Алиса» (2014) и «Серебряный РосКон» (2015), «Специальный приз оргкомитета конференции Роскон» за вклад в развитие фантастики (2016), «Рыцарь Фантастики» (2017); Московская литературная премия по итогам сезона 2014 года (гран-при-лауреат); международная медаль имени Адама Мицкевича (Москва-Варшава, 2015); премия «Изумрудный город» Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» (2015); премия международного музыкально-литературного фестиваля «Ялос-2016» в номинации «Проза» (гран-при-

лауреат); лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2016 год; мемориальная премия им. И.А. Соколова XXXIV Международного фестиваля фантастики «Аэлита» (2017); премия «Белый лотос», главная награда фестиваля «Поехали! в Астрахань» (2017) и др.

Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда *О романе «Клетка» Саши Кругосветова*

Мы живем в обществе «пост-»: постиндустриальном и постмодернистском и движемся к еще большему «пост-»: «постдуховному» и, как следствие, «постапокалипсическому».

Жизнь человека и человечества можно рассматривать как процесс, в конце которого неминуемо будет суд. Это касается, пишу в порядке создания культов: адисонотамдевидев-тадхарми-стов, язычников, буддистов, иудеев, зороастрийцев, христиан, мусульман, атеистов. Потому что суд он будет все равно – или на небесах, или в памяти потомков и друзей.

«Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда.

И сказал я в сердце своем: «праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там».

Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные; потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все – суета!»

Еккл.

«Куда ты стремишься: Жизни, что ищешь, не найдешь ты! Боги, когда создавали человека – смерть они определили человеку, жизнь в своих руках удержали».

«Эпос о Гильгамеше».

«...исчезают тела и преходят, другие идут им на смену, со времени предков. Боги (т. е. цари, – прим. автора), бывшие до нас, покоятся в своих пирамидах, равно как и мумии, и духи погребенные в своих гробницах. От строителей домов не осталось даже места. Слышал я слова Имхотепа и Хардидифа, изречения которых у всех на устах, а что до мест их – стены их разрушены, этих мест – как нет, их не бывало. Никто не приходит от них, чтобы рассказывать о них, поведать об их пребывании, чтобы укрепить наше сердце, покуда вы не приблизитесь к месту, куда они шли».

«Песнь арфиста из папируса «Харрис 500», Ср. Царство.

Роман «Клетка» Саши Кругосветова – это явление. Кстати, возможно, роман будет переведен на немецкий, чешский и английские языки, что, мне кажется, очень правильно. Именно тогда можно будет начать большой дискурс.

А уникальность вот в чем – текст написан на грани модернизма и постмодернизма. И это действительно уникальный опыт.

В конце моей статьи мы расставим все точки над «ё», а пока небольшое отступление.

Саша Кругосветов родился в 1941 году, его предки пережили тяжелые времена войн, революций, репрессий, арестов и процессов. Начало и середина советского времени – это череда непрерывных процессов над социально чуждыми элементами, над «вредителями», над

военными, над врачами, над евреями, над отдельными гражданами. Даже в гитлеровской Германии люди не держали в квартире специально собранный чемодан на случай, если за ними придут. В СССР он назывался «тревожный чемоданчик».

Советский человек был уже виноват в том, что родился.

«Был бы человек, а дело найдется», – говорят в России до сих пор.

XX съезд КПСС и развенчание культа Сталина – не принесло облегчения. До этого зло было бесплотно, но теперь его называли, а страх остался, а вместе с ним – чувство вины.

Страх дрейфовал в умах людей и заставлял скрывать мысли и говорить восторженные речи. Страх заставлял ликовать от свершений и планов партии.

А кто-то, напротив, позволял себе тихий бунт: слушал по ночам «Голос Америки», обсуждал на кухне шепотом существующий порядок, травил запрещенные анекдоты. Но страх давил на плечи, вгрызался в шею. Боялись доноса, боялись, что подслушают. Подсознательно люди чувствовали вину!

И доносы на них писали. Часто тоже со страху.

Хуже всего тем, кто открыто объявил войну власти, – «диссидентам». В конце концов, они стали виноваты в любом случае – и если сдались, и если дошли до конца. Парадокс, но это так.

Если люди ломались, то их обвиняли в малодушии; если проявляли твердость, то о них говорили как о законченных эгоистах, которые погубили своих родственников. А после падения советской власти подвиги диссидентов перечеркнули, сказав: «Не сломались те, кого плохо ломали».

Советская эпоха – это эпоха вины перед системой, а значит, это эпоха модерна. Дмитрий Быков, на мой взгляд, очень верно и просто для понимания обывателя обозначил человека каждой эпохи:

1. Ветхозаветный человек чувствует связь с Богом и семьей, поэтому он спокоен. Он выполняет все правила, чтит Бога и семью, а значит, его совесть чиста.

2. Человек эпохи Просвещения рушит старое, но у него есть великая цель, он заменяет Бога наукой и верит, что медицина и образование изменят мир до неузнаваемости. И будет рай на земле.

3. Человек модерна разрушает свой прежний дом – веру, семейные ценности, но уже и сомневается в новом. Он не может четко найти ориентиры. То есть он не может жить по-старому, но и не понимает, как это делать по-новому. Его связь с семьей и Богом еще велика, но он уже разочарован в них и от этого испытывает глубокий страх и вину.

4. Современный человек – это существо постмодернизма, он аморален, он свободен от всех правил. Индивидуум – как небольшой айсберг в океане. Все плывут по воле течений. Каждый вдали друг от друга.

Существо постмодернизма непонятны страдания человека модерна. Существо постмодернизма может легко уйти из семьи, поменять жену, религию, взгляды. Человек модерна

испытывает чувство вины даже за желание это сделать. Он страдает от старых порядков, но у него нет сил изменить что-то. Человек модернизма живет с постоянным чувством вины.

Кстати, советская литература и общество были тоже модернистскими, и чувство вины должно было возникать у всех недовольных, ведь советскую власть пропаганда ставила в ряд безукоризненных, а партийных лидеров делала святыми.

Типичный представитель модернизма – Франц Кафка. Всю жизнь он пытался вырваться из семьи, а именно из-под влияния отца, однако только на словах. На деле он сильно зависел от традиции. Например, отец смог расстроить его помолвку с Юлией Вохрыцек, написав: «Ты что, не знаешь ничего лучшего, как жениться на первой встречной; не можешь обуздать свою похоть? Сходи лучше в публичный дом».

Отец считал, что дочь сапожника неровня его сыну, хотя Юлия на тот момент имела шляпный магазин и была полностью независимой. Однако мнения отца стало достаточно для того, чтобы помолвка была расстроена.

Похожие отношения у Франца Кафки и с религией. По рождению иудей, он симпатизировал христианству.

«Я договорился с двумя друзьями о загородной прогулке в воскресенье, но совершенно неожиданно проспал время встречи. Мои друзья, знавшие мою всегдашнюю пунктуальность, очень удивились, подошли к дому, где я жил, немного постояли около него, затем поднялись по лестнице и постучали в дверь. Я очень испугался, вскочил с постели и, ни на что не обращая внимания, постарался как можно скорее собраться. Когда я затем, полностью одетый как полагается, вышел из дверей, мои друзья с явным испугом отпрянули от меня. «Что у тебя на затылке?» – воскликнули они. Еще только проснувшись, я почувствовал, что мне что-то мешает отклонять голову назад, и теперь попытался рукой нащупать помеху. В ту минуту, когда я ухватился за рукоятку меча позади моей головы, друзья, уже пришедшие немного в себя, закричали: «Осторожнее, не поранься!» Друзья приблизились ко мне, осмотрели меня, повели в комнату и перед зеркалом икафа раздели до пояса. В мою спину был воткнут по самую рукоятку большой старый рыцарский меч с крестообразным эфесом, но воткнут так, что клинок прошел невероятно точно между кожей и плотью, ничего не повредив. Не было раны и на шее, на месте удара мечом; друзья уверяли, что оставленная клинком щелка совершенно не кровоточила и была сухой. Да и теперь, когда друзья, взобравшись на кресло, медленно, миллиметр за миллиметром, стали вытаскивать меч, кровь не выступила, а дыра на шее закрылась до едва заметной щелки. «Вот тебе твой меч», – со смехом сказали друзья и протянули мне его. Я взвесил его в руках, это было дорогое оружие, оно вполне могло принадлежать крестоносцам. Кто потерпит, чтобы в его снах шатались старые рыцари, безответственно размахивали своими мечами, втыкали их в невинных спящих и лишь потому не наносили тяжелых ран, что их оружие вначале, наверное, соскальзывает с живого тела, и потому, что верные друзья стоят за дверью и стучат, готовые прийти на помощь».

Франц Кафка. Дневники. 19 января 1915 года.

То, что мы сейчас прочитали, – это метаметафора. Меч отождествляет христианство, которое «ранило» автора, однако поверхностно – так, что друзья смогли помочь. А еще еврей,

житель Праги, точно слышал о крестоносцах и еврейских погромах, и это заставляло при всей симпатии не доверять христианству.

Франц Кафка душой чувствовал свой разрыв с традициями, и это вызывало у него чувство вины. Вина есть на том, кто признает вину. Поэтому и был написан роман «Процесс».

Саша Кругосветов, применив постмодернистский прием, продолжил осваивать миры Кафки. Роман «Клетка» – это «Процесс» по-современному. Сюжетная схема временами очень похожа на сюжетную канву Кафки, действие в книге Кругосветова разворачивается, однако, с совершенно другим наполнением. Сам по себе прием использования готовых сюжетов берет начало еще со времен Возрождения. Великий Шекспир разрабатывал сюжеты, взятые у итальянских и латинских предшественников, а потом последующая и современная литература многократно обращалась к темам Ромео и Джульетты, Макбета, Отелло, короля Лира. Растущий со временем объем мировой литературы не меняется по своей сути – используются повторяющиеся сюжеты, отражающие основные сюжетные линии жизни людей. Каждая новая эпоха добавляет лишь вариации стилистики и характерные черты этой эпохи, включая изменения в применении языка и в предпочтениях. Литературе людей, по-видимому, не вырваться из круга привычных сюжетов, для этого необходимо изменить генетическую природу человека. Если рассмотреть сюжет «Клетки» (вместе с близким ему сюжетом «Процесса») в классификации Борхеса – это история о возвращении Одиссея, скитавшегося десять лет в попытке вернуться домой. Герой подобных историй – человек, отверженный обществом, бесконечно блуждающий в попытках найти себя. В классификации Букера это может быть и Одиссея (приключение), но может рассматриваться и как «Трагедия» – произведение, кульминацией которого становится гибель главного героя из-за невозможности преодолеть внутренний разлом. Раскол идет в небесах (не у Бога, но и не на земле) или через сердце человека, что по существу одно и то же. Раскол между стремлением к высокому, к идеалу, к нашему представлению о том, что мы считаем божественным, и нашей вещной, земной природой, которая постоянно берет верх. Небеса дают нам свободу. А мы выбираем общество потребления, хлеб и зрелища, чудеса, иллюзии и идолов власти. И, наконец, в выбранных 36 сюжетах Польти сюжет «Клетки» – это, скорее всего, «Мольба», просьба о помощи, обращение героя ко всему миру с просьбой защитить его от так называемой СИСТЕМЫ, стоящей неизмеримо выше силовых органов и даже партии, олицетворяющей некую inferнальную враждебную силу, надвешный страх индивида, задумывающегося об экзистенции в смысле выживания, СИСТЕМЫ, которая – так получается – осуществляет наши тайные помыслы. И когда она убивает нас, на самом деле это мы сами себя убиваем. То же происходит и с главным героем.

Говорит ли с нами автор на чистом языке постмодернизма? То есть несерьезно? Как мне кажется – нет. В романе подняты важные проблемы. Показан зазор между идеей социального устройства и его воплощением. Аллюзии на «Притчу о Великом Инквизиторе» поднимают важный философский вопрос: мы живем в мире, где декларируют предназначение человека к добру, и забывают, что человек предназначен и для зла. Реальность мира показывает это, но мы, когда нужно сражаться, прячемся от злых духов под одеяло, полагая, что они оставят в покое. Слабость людей дает силу темной стороне человечества. Добро и зло иногда меняются масками, и этот маскарад пугает еще больше, а главное – сбивает неокрепшие души.

Саша Кругосветов родился в эпоху арестов и процессов, в эпоху модернизма, поэтому – используя прием постмодернизма, а именно, он взял чужой текст, вжил в него чужой мир, – он говорит с читателем серьезно, на языке модерна. Он пытается объяснить вину современного человека перед нечто большим. В этом уникальность текста. Важно при этом, что

книга не выглядит как просто критика или наоборот – осанна советской власти и обществу развитого социализма. Эти регалии есть, конечно. Но главная идея – это метафизический раскол в сердце человека, который воплощается в зловещую, но по-своему очень честную и последовательную СИСТЕМУ, до конца идущую в соответствии с законами тьмы, которые, по-видимому, невозможно оторвать от законов света.

Концовка романа ставит целый ряд вопросов. При встрече со стражниками перед казнью герой задумывается: прошел только год после их первого прихода или тридцать лет? Если тридцать, это означает, что вся жизнь героя прошла в бессмысленных метаниях, в поисках что-то противопоставить СИСТЕМЕ, которая на самом деле почти ничем его не затрагивала. В каком-то смысле можно сказать, что герой и ему подобные поддерживали жизнь СИСТЕМЫ своим бесконечным интересом к ней. Герой «Клетки» тянет веревку на себя, ищет бесконечных посредников, чтобы что-то выяснить и повлиять, а СИСТЕМА ему отвечает. Веревка натягивается все сильнее и ведет к «казни». Не исключено, что если бы не его бесконечные метания, СИСТЕМА могла бы забыть о нем. Тридцать лет... Его жизнь естественно пришла к концу. Он потратил ее на борьбу с иллюзиями и ветряными мельницами. И пресловутая «казнь» – это всего лишь аллегория естественного ухода героя из жизни в мир иной. Если прошел только год, трактовка уже другая: СИСТЕМА победила его, – как всегда, СИСТЕМА неминуемо всех побеждает. Перед «казнью» герой смиряется, понимает бессмысленность своего бунта. Остается вопрос: а если бы он не боролся с СИСТЕМОЙ, каков был бы конец этой истории? Если бы он жил своей жизнью, а не навязанной ему СИСТЕМОЙ, его жизнь сложилась бы по-другому и каков был бы ее конец?

Может быть и другая трактовка романа. СИСТЕМА отражает борьбу героя с самим собой – чем больше он себя обвиняет, тем туже стягиваются вокруг него кольца СИСТЕМЫ. Герой не верит своему Я, ему не нравится, что совесть нашептывает ему обвинения, укоряет, ему кажется, что это вмешательство извне – весь мир против него, но он – такой умный, образованный, решительный, предусмотрительный, дальновидный, – он всех выведет на чистую воду и всем докажет, что именно он и прав, потому что он ни в чем себя не упрекает, потому что он ни в чем не виноват. Оттого он и не может найти СИСТЕМУ, потому что он борется с самим собой. Этой СИСТЕМЫ, которая создана его воображением, нет нигде, но в то же время она везде. От себя не уйдешь. И «казнь» – это аллегория суда над самим собой.

И, наконец, третья трактовка. Что бы ни делал наш герой, где-то идет начисление положительных и отрицательных баллов. Все взвешивается. Независимо от того, осознаешь ты это или нет. Можно посчитать, что это СИСТЕМА, можно сравнить ее в каком-то смысле и с божьим судом. Вахтер на проходной говорит герою:

– А правосудию все равно, прав ты или виноват. Разве кошка думает, что мышка ни в чем не виновата? Она просто ее съедает. Потому что предназначение кошки – кушать мышек.

В заключение я хочу обратить внимание читателя на еще одну парадоксальную вещь. Необходимо отметить, что как такового авторского варианта романа «Процесс» нет. Он не имел окончательного названия, из шестнадцати глав семь не было дописано. Отсутствовала нумерация и было непонятно, как их располагать. Многое, в том числе и конец, дописал Макс Брод, друг Кафки и популяризатор.

Кстати, додуманный Бродом финал нарушал идею Франца Кафки, который считал, что этот текст не должен иметь четкого окончания.

Самое авторитетное издание «Процесса» вышло в 1950 году в издательстве «Зуркамп», Франфуркт-на-Майне. Макс Брод внес несколько исправлений в первоначальный вариант и добавил один фрагмент.

Этот вариант, как правило, используется для переводов на иностранные языки.

Макса Брода критиковали за исправления и интерпретации, однако доступа к рукописи ни у кого не было. А когда ее выкупили у наследников, то в 1990 году вышел двухтомник «Процесс. Роман по материалам рукописи», где сняли нумерацию глав, первую главу разделили на две, изъяли главу «Подруга фройляйн Бюрстнер», которую убрали во фрагменты. В общем, постарались все вернуть в первоизданный вид.

Что сказать? Кругосветов экспериментирует, колдует над текстом, которого нет. Только варианты. Только хаос.

И это похоже на мистический ритуал.

Кафка в своем творчестве близок к сказке. Вспомним «Превращение», «В исправительной колонии», да и сам «Процесс».

Правда, эта сказка для взрослых – довольно злая сказка, сказка без счастливого конца.

Кругосветов начинал как детский писатель, который плавно ушел в литературу для взрослых. Этот текст пограничный во всем – он между модернизмом и постмодернизмом, он между сказкой и реализмом.

Саша Кругосветов создает мир духовный и мир чувственный, и мир чувственный есть воплощенное зло.

Роман «Клетка» показывает путь от модернизма к постмодернизму. Диалектику переходного периода из ниоткуда в никуда.

«И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.

Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим.

И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это – смерть вторая.

И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное».

Откр. (Апок.)

Александр Гриценко,
русский писатель, драматург, прозаик, журналист,
литературный продюсер, театральный режиссёр.

Председатель правления
Интернационального Союза Писателей

Брюки в обтяжку, выбеленное лицо, матроска с глубоким вырезом. Смешной человечек в клетке. Мы ее не видим. Видим только, что он все время натывается на ее стены. Потому что эта клетка только для него одного. Хочет выйти. Пытается разогнуть прутья или протиснуться между ними. Путья сдирают до крови кожу, ломают ребра, но так хочется на свободу.

Вышел все-таки. Немного отдохнуть – и в путь. Но что это? Куда ни шагнешь, на пути опять стены клетки, только чуть большей. Новая клетка, внутри которой стоит старая. Путья

толще, расстояние между ними меньше. И опять мы не видим, что ему мешает. Видим только человечка, который все время на что-то натывается. Эта клетка тоже только для него. Что там, за ее пределами, другие клетки?

1

Борис Илларионович Кулагин находился в это утро в приподнятом настроении.

Во-первых, сегодня его двадцать седьмой день рождения. А главное, – в какое время мы живем! Начало восьмидесятых, эпоха развитого социализма и всеобщего подъема в стране – гидроэлектростанции, мирный атом, Байкало-Амурская магистраль, космос, повышение благосостояния советского народа.

Во-вторых, эта ночь с восемнадцатилетней красавицей Кларой досталась ему в виде бонуса и не ударила по карману. Обычно он навещал Клару вечером, после того, как та приходила домой из техникума. Квартирка в депрессивном фабричном районе на проспекте Обуховской обороны досталась ей от престарелых родителей. Те уехали в Америку по линии еврейской эмиграции и успели в последний момент прописать к себе Клару, которая до этого была прописана у бабушки. Но бабушка, долгая ей память, к тому времени ушла в мир иной. Девушка посоветовалась с родителями, вместе и решили: так и так что-то одно – бабушкину комнату в коммуналке или их нестандартную однушку – придется покинуть. Выписалась из бывшей бабушкиной комнаты и зарегистрировалась на Обуховке. Так и оказалась в этой крошечной квартире. Клара – невысокая, живая, с очень яркими губами и горячими черными глазами.

Не подумайте, что она была какой-то распушенной девчонкой, что к ней мог приходиться кто угодно и она принимала всех подряд без разбора. Нет, приходили молодые люди, а иногда приличные солидные мужчины, и только по рекомендации от хороших знакомых и предварительно созвонившись. Здесь и речи не могло идти о том, чтобы брать с посетителей деньги. Нет, конечно. Клара была совсем не такая. Но посетителям объясняли заранее, что неприлично приходиться с пустыми руками и приносить следует не финтифлюшки какие-нибудь, а полезные вещи: чулочки, красную икру, хороший телефонный аппарат, магнитофон, а лучше – денежный презент, просто помощь от доброты душевной – девушке на шпильки. Оставляли – кто семь, кто даже десять рублей. Борис приходил к ней вечером, раз в неделю, обычно по вторникам. Иногда оставлял семь рублей, а чаще – пять.

Клара была доброй и отзывчивой девушкой. Узнав о предстоящем дне рождения Бориса, она предложила:

– Зачем в день рождения мотаться в такую даль на Обуховку? Сама вечером приеду к тебе на Гражданку. Мой небольшой подарок.

Ну, подарок – значит, и деньги давать не надо.

Накануне она позвонила в дверь:

– Открывай ворота, Берл Шлёма Дов-Бер Пинхос Лазар, сюрприз прибыл. Я к тебе, как и договаривались.

Стояла на пороге – раскрасневшаяся, зубы белые, губы – словно лепестки алых роз, угольные глаза так и сверкали в полумраке коридора.

Да уж. Подфартило так подфартило. Ночь на славу получилась. И, самое главное, он смог незаметно стащить Кларины трусы. Борис любил отмечать свои любовные победы вещественными доказательствами. У него уже была целая коллекция женского белья. Удалось так припрятать ароматные женские трусики, что девушка, как ни искала, так и не смогла найти. Борис только удивленно разводил руками: «Не знаю, не знаю, куда уж ты подевала свои девчачьи причиндалы?»

Клара расстроилась. «Хорошо было бы, если бы она еще и завтрак нам сделала, самому возиться неохота», – подумал Борис и даже озвучил эту идею, но Клара отказалась – и завтрак готовить, и от завтрака вообще.

– Поеду прямо сейчас. Придется домой заскочить. Не могу же я, как гойка, заявиться в техникум без штанцов. Словно задрыга какая-то, фу-у-у.

В общем, расстроилась и убежала. Даже душ не стала принимать.

Ну, ничего. Все в порядке. Одни подарки на день рождения. Вот еще и трофей в коллекцию. Все-таки молодец эта Клара, у нее всегда было красивое белье. Платья и костюмчики тоже довольно зажигательные, не такие, как у всех. Где в нашем совке она достает дефицит? Может, мама из Америки присылает?

Борис не торопясь побрился шведским лезвием и с удовлетворением осмотрел свое ухоженное и достаточно привлекательное лицо. Хорош, хорош, ничего не скажешь. Прекрасные черные волосы, смазливые, немного женские глаза и хорошо очерченные губы капризного рта. Ну, не титан – роста невеликого, да и сложения скромного, – не всем же быть Голиафами. Отправил своему двойнику в зеркале европейскую ослепительную улыбку и, набросив бельгийский халат, вышел в кухню. Времени предостаточно. Можно без спешки приготовить завтрак и выпить чашечку хорошего кофе с тостами и яичницей.

Раздался звонок в дверь. Кто это в такую рань? Может, Клара вернулась? Постеснялась в короткой юбочке идти в метро – эскалатор на «Науке» крутоват будет, ветер подует – конфуз получится. Наверное, это она. Не такой уж я и жмот – дам девушке рублик на такси. Хотя вряд ли это Клара. Прошло минут двадцать, она давно уже в метро едет.

Может, мадам Гаулейтер? Он так звал вахтершу Евдокию Прокопьевну. Что такое «гаулейтер»? – «губернатор» по-немецки. Дуся, конечно, не вахтерша – нет в их доме вахты как таковой, и не консьержка – разве могут быть консьержи в Советском Союзе? Если только в каких-нибудь правительственных или обкомовских домах. Губернатор, она настоящий губернатор. Евдокия Прокопьевна решала все дела по дому: следила за порядком, строила всех – дворника, электрика, бухгалтера и даже самого председателя кооператива «Базальт», созданного одноименным НПО «Базальт», в котором Борис Илларионович имел честь работать пять лет после окончания института и дослужиться до назначения аж начальником сектора.

Идея иметь вахтера и чтобы вахтером была именно Евдокия Прокопьевна, владелица такой же, как у Бориса, двухкомнатной квартиры, его соседка на седьмом этаже чешской точки, возникла одновременно в головах нескольких дольщиков этого кооператива: «Пусть будет пригляд за домом. Чтобы не шлелись гопники, чтобы не кололись и не распивали спиртные напитки в подъезде», и все поддержали такую здравую и интересную мысль. Евдокии Прокопьевне эта идея тоже понравилась. Она прочно осела, фактически поселилась в так называемой «колясочной», а в ее квартире теперь стали проживать какие-то другие люди – жильцы, наверное. Типа «по найму». И она получилась хорошим «гаулейтером», все поняли, что именно это и есть ее призвание.

Конечно, такой непосильный труд следовало оплачивать. Здесь уже не все были столь единодушны. Кое-кто проголосовал «за» и выделил из своего бюджета малую копейку на содержание доморощенного «гаулейтера». В их числе был, конечно, и Борис, стремившийся к тому, чтобы его жизнь во всех аспектах была современной и комфортной. Но часть бюджета вахтера осталась без источников финансирования. И эту недостающую долю взял на себя, несмотря на свою прижимистость, перспективно мыслящий и дальновидный Борис Илларионович – КГ (сокращение от «Кулагин»), или «килограммчик», как называли его сотрудники НПО, имея в виду, видимо, его компактность и небольшой вес.

Евдокия Прокопьевна прекрасно понимала, кто ее добродетель, истово блюла интересы КГ, а также оказывала ему всяческие личные услуги за пределами своих прямых должностных обязанностей. Покупала продукты, ловила для него дефицит и часами стояла за этим дефицитом в очереди. КГ мог без стеснения зайти после работы в колясочную к бабе Дусе, попить чай, закусывая бутербродами с домашним клубничным вареньем с приусадебного участка двоюродной сестры Евдокии Прокопьевны. В общем, мадам Гаулейтер была верной собачкой на

потребу современного и, я даже сказал бы, перспективного молодого человека Бориса Илларионовича КаГэ.

Что понадобилось Гаулейтерше? Продукты она обычно заносила вечером. Сплетни по дому докладывала тоже в это время. Сейчас утро. Еще восьми нет. Видимо, случилось что-то неординарное. Вряд ли мадам Гаулейтер знает такое сложное слово: «неординарное». Но сообразить, что произошло нечто из ряда вон выходящее, она вполне в состоянии.

Четырнадцатизэтажная кирпичная чешка, в которой жил КГ, вплотную подходила к другому такому же дому, своему двойнику. Против окна его кухни было окно кухни-двойника из соседней точки. Там сидели две старушки в серых платочках и внимательно рассматривали Бориса. «Получается, что они знают уже нечто, о чем я пока не имею ни малейшего представления», – подумал он.

Борис осмотрел себя: светлая футболка, в которой он спал, и семейные трусы в горошек, но сверху добротный, новый стеганый халат. Неплохие замшевые комнатные туфли. Затянул потуже пояс. Перед мадам Гаулейтер, она ведь свой человек, вполне можно показаться и в таком виде.

Борис открыл дверь. Вошел невысокий миловидный мужчина, совсем молодой, в одежде неопределенного назначения, напоминающей комбинезон. На ногах, руках, груди, спереди и сзади – все было в карманах.

– Кто вы, что вам надо?

Мужчина прошел в квартиру, не обратив никакого внимания на КГ, будто его и не было здесь. Осмотрел прихожую с плиткой ПВХ на полу, грубые темно-коричневые шкафы из ДСП, втиснулся в небольшую ванную.

– Да, негусто. Стены надо бы кафелем облицевать. Краска через год сойдет, – сказал он ласковым голосом.

Заглянул в маленькую комнату, зафиксировал для себя двуспальную тахту, скромный письменный стол и неплохой книжный шкаф. Потом прошел в большую комнату, осмотрелся.

– Пусто, ничего нет. Совсем-совсем ничего нет, – разочарованно сказал он и присвистнул.

– Да что вам надо? Я сейчас пойду к Евдокии Прокопьевне, узнаю, почему она вас впустила.

Невысокий в комбинезоне подошел к полуоткрытой входной двери и тихо сказал кому-то, кто стоял за дверью:

– Он хочет поговорить с Евдокией, наверное, это та, что вахтерша.

За дверью раздался короткий смешок. Потом невысокому что-то еще ответили. Непонятно, сколько там могло быть человек. Незнакомец заявил официальным тоном:

– Не положено, – потом добавил более мягко: – Вам следует оставаться здесь. И вовсе не в прихожей, а вот в этой спальне. Можно, конечно, и в большой комнате. Но вы сами вряд ли захотите – там и сесть-то негде. Разве что на полу. Впрочем, это вы как хотите. В той большой комнате, конечно, вольготней. Там вон сколько окон. С двух сторон, и лоджия огромная угловая. Но, мне кажется, вам в спальне лучше будет.

– Какая ерунда! Вы подумайте сами, вы хоть чуть-чуть понимаете, что вы такое говорите?

КГ вбежал в маленькую комнату и торопливо натянул брюки, забыв застегнуть ширинку.

– Сейчас пойду посмотреть, что это за люди у меня под дверью. А потом узнаю у мадам Гаулейтер, как она объяснит это ваше абсурдное и абсолютно немотивированное вторжение.

«Зря я высказываю эти мысли вслух. Получается, что признаю за этим скользким типом право надзора за собой. Впрочем, какое это имеет значение – признаю право надзора или не признаю?» – подумал КГ.

Незнакомец будто прочел его мысли и сказал примирительно:

– Решайте сами. Но, мне кажется, это было бы для вас самым хорошим решением – остаться в этой комнате. Здесь, кстати, довольно уютно. У вас, я вижу, много словарей. Изучайте английский, немецкий. Садитесь и изучайте, прямо сейчас. Я, например, это очень люблю. Было бы время, с удовольствием занялся бы языками. И занимаюсь, кстати, учусь на заочном. Но теперь я на работе, вот такая незадача. А у вас как раз времени сейчас сколько угодно, можно сказать, предостаточно.

– Даже и не подумаю оставаться в этой комнате. И разговаривать с вами, кстати, я тоже не намерен до тех пор, пока вы не скажете наконец, кто вы такой. В конце концов, это уже совершенно невыносимо. С какой стати вы распоряжаетесь моим временем и решаете, чем мне заниматься?

– Знаете, что я вам скажу: зря вы обижаетесь. Мы вам только добра желаем. Лучше бы вели себя поспокойней, вам же лучше будет. Только портите то благоприятное впечатление, которое попервоначалу произвели на нас, – сказал незнакомец и сам же открыл дверь – вначале в прихожую, а потом в кухню.

Почему в кухню, там уже кто-то есть? КГ прошел в кухню медленнее, чем ему того хотелось. Здесь все было как обычно: новенькая польская кухня из светло-серого пластика, стол и табуретки – все в идеальном состоянии, без единой царапины или пятнышка. Разница только в том, что за столом у открытого окна, закинув ногу на ногу, сидел очень худой и довольно молодой человек с впалыми щеками, большим носом и заметными залысинами.

«Как он сюда попал? – удивился Борис. – Прошел, наверное, как раз тогда, когда я одевался в спальне».

Рукава футболки второго незнакомца были почему-то срезаны. Невыразительные глаза казались совсем тусклыми – видимо, от пива, недопитую бутылку которого он держал в руке, – а шея, лоб и плечи были разрезаны струйками пота.

– Вам следует оставаться в той комнате, где вам разрешено было остаться. Разве Вован ничего вам не сказал?

– Да что же вам, наконец, нужно? – спросил КГ, переводя взгляд со второго посетителя на первого, которого только что называли странным именем Вован и который уже стоял в дверях, а потом снова перевел взгляд на посетителя с бутылкой пива. Но ответа почему-то не последовало.

В открытое окно опять были видны две старухи, с любопытством наблюдающие эту до сих пор непонятную для самого КГ сцену.

– Вот я сейчас спущусь к Евдокии Прокопьевне и спрошу, на каком основании вы врываетесь в наш дом и в мою квартиру в частности. У нее есть телефон, и на вахте, и в ее квартире, так я возьму и позвоню от нее в милицию.

КГ стоял недалеко от тех двоих, и он сделал вид, что сейчас вырвется у них из рук и уйдет – куда-нибудь, куда сам решит уйти.

– Нет, я сказал: нет! – Человек, сидевший у окна, резко встал – оказалось, что он довольно высокий, во всяком случае в сравнении с Борисом, – и ударил дном бутылки о пластиковый стол. – Вам запрещено выходить из вашей комнаты. Вы арестованы. Неужели вы считаете, что милиция станет вмешиваться в работу наших судебных органов особого назначения? Вы ведь член профсоюза? Тогда легко догадаетесь, что мы – члены совсем другой профсоюзной организации. А у милиции свой профсоюз. Так что она точно не станет вмешиваться. А то и против милиции может быть возбуждено дело, такое тоже вполне может произойти. Скажите, вы член партии? Нет, не состоите... Так я и думал. Жаль. Теперь вы понимаете, милиция вряд ли захочет вас защищать.

– Похоже на то, что это именно так, как вы говорите, – с вызовом сказал КГ. – Насчет милиции вы, может, и правы. Даже наверное правы. А за что я арестован, не изволите мне сообщить? Или это все ваша большая фантазия?

– Мы обычные судебные исполнители, у нас нет полномочий что-то объяснять арестованным. Мы просто охрана. Верные и неприступные стражи порядка. Состоялось решение компетентных органов и заведено дело. Это не просто бумажка какая-то или там папка со скоросшивателем. Это ДЕЛО. Это дело, и правила его ведения сложнее и величественнее, чем все наши с вами жизни вместе взятые. Вы поняли? Ничего вы не поняли, бедный вы человек. Идите же наконец в свою комнату и просто ждите.

Послушайте, я ведь не имею никакого – ни морального, ни юридического – права вот так вот запросто беседовать с вами, точно мы какие-то старые друзья. Слава богу, никто кроме Вована нас не слышит. А Вован и так с вами излишне растекается по поводу его любимого английского – он на заочном, в Институте военных переводчиков. А ведь у нас есть предписание: с арестованными никаких разговоров – вы наш социальный враг. Враг социализма, враг партии и всего трудового народа. Правда, это пока не доказано. Но раз против вас завели дело, это не может быть просто так. Там, – и он поднял палец вверх, – там недаром люди сидят, там головы – не нам чета. Так что вам очень даже повезло с назначением охраны. Если вам и дальше будет везти так, как с нами, то можете быть совершенно спокойны относительно исхода всего вашего дела.

– Настанет время, и вы поймете, какие это на самом деле абсолютно верные и гуманные слова. Айн унд цванцих, фир унд зибцих – знаете, что это означает в переводе с греческого? Это именно то, к чему призывает наша партия, – помочь слабым встать на путь исправления, раскаяться и разоружиться, – подключился к разговору Вован, и вдруг оба сразу подступили к Борису.

Второй, который потный и с голыми руками, все время похлопывал Бориса по плечу. Они стали ощупывать ночную футболку КГ и особенно бельгийский халат.

– Хорошая футболка. И халат чудесный. Теперь вам придется надеть белье похуже. Вы не беспокойтесь. Мы это все прибережем. И если обойдется, вы это все получите обратно. Уж кто-кто, а мы-то никак вас не подведем. Не стоит сдавать это все на склад. Такое дело, как ваше, оно ведь тянется ой как долго. А там, на складе, вещи все время подменяют. И распродают, независимо от того, закончилось дело или нет. Конечно, вам деньги вернут. Но что это будут за деньги к тому времени? При распродаже назначают ничтожные деньги. Потому что вещи скупают за взятки. А потом эти деньги – они появились, а дело еще не кончилось. Деньги переходят из рук в руки. И каждый раз их остается все меньше и меньше. А у нас ваши вещи будут в целости и сохранности.

– Вы не хотите? За что вы цепляетесь? Думаете, нам так нужны ваши записанные трусы? – застегнули бы хоть ширинку. Ну хорошо, хорошо, не записанные – застиранные, они просто песчаного цвета. Все равно, зачем они нам? Все вы такие. Не цените человеческого отношения. Цепляетесь за свои пожитки. Что это такое на фоне могучей поступи нашей партии и лично Генерального секретаря Леонида нашего Ильича?

КГ не слушал всю эту болтовню. Ему было абсолютно все равно, кто теперь будет распоряжаться его личными вещами, пока что, судя по всему, все еще принадлежащими ему – Борису Илларионовичу Кулагину. Гораздо важнее было уяснить, кто же он теперь, какие его права как арестованного и кто все-таки его арестовал.

Мысли сбивались, путались. Второй – тощий и потный охранник – все время трогал его за плечи и подталкивал массивной пряжкой пояса, расположенной как раз на том месте туловища, где у нормальных людей должен находиться живот.

Он почему-то рассказывал, что в молодости занимался самбо и что во время схватки его противник, молодой кавказский парень, укусил его за бицепс, – где, интересно, он нашел у себя бицепс? – потому что не хотел проигрывать. КГ поднимал глаза и видел мутный взгляд этого охранника – о чем, интересно, они оба думали, когда переглядывались за его спиной? Кто эти люди? Из какого они ведомства? Милиция ходит в форме. Из следственного управления?

Может быть, из прокуратуры? Вряд ли это КГБ. Зачем КГБ нужен такой скромный человечек, как еще довольно молодой, можно сказать, юный Борис Илларионович? Ну да, он связан с секретностью. Но здесь у него нет никаких проблем, тем более нарушений.

Здесь, в Ленинграде, стажировались французские лингвисты, изучавшие русский язык. Мальчик и девочка, оба Рене. Он бывал с ними в одной компании. Потом они писали ему из Франции, хотели продолжить дружбу. Девочка-то неплохая была. Вполне можно было бы закрутить с ней интрижку. Ножки довольно притягательные. И такой обворожительный акцент, когда говорила по-русски. Но он никому из них не ответил. Имея вторую форму секретности, нельзя встречаться и переписываться с иностранцами. У кого-то из ребят были неприятности, вызывали в первый отдел. Но к нему – ноль претензий. Да нет. Из-за этого всего – вряд ли. Прошло почти два года.

Так, что еще? Папа. Папа был цеховиком. Скупал у населения шкурки ондатры. И в подвальчике на Маяковской шили шапки. Папа скончался, и Борис решил не продолжать дело отца. Закрыв цех, продал товар. А на вырученные деньги купил вот эту вот кооперативную двушку. Еще осталось кое-что. Так что Борису хватало и на вахтершу, и на хорошую одежду, и на Клару, и вообще на все то, что позволяло ему не чувствовать себя задрипанным инженером, живущим на грани нищеты. Но к папе никаких претензий не предъявляли. Наверняка знали, где надо. Но ему, видимо, позволялось. Возможно, какие-то услуги оказывал грозному ведомству на Литейном, 4. И потом, это отец. А Борис уже с этим никак не связан, сын за отца не отвечает.

Может, его кто-то оклеветал? Да нет, бред какой-то. Мы живем в социалистическом государстве. Не военное время. Давно уже не диктатура. Уж где-где, а в Советском Союзе всяко права трудящихся защищены как нигде. Кто же будет нападать на него, да еще в собственной квартире?

Можно было бы посчитать, что с ним сыграли злую шутку. Не исключено, что сослуживцы, например, решили разыграть, учитывая, что сегодня его день рождения. Грубая и неумная шутка. Эти двое похожи на работников отдела отправления посылок из его НПО. Может, так решили разыграть.

Борис Илларионович был человеком веселого нрава. Никогда ничего не принимал близко к сердцу. И если что-то происходило, старался не тратить попусту усилий и отложить решение непонятных проблем в долгий ящик, за исключением случаев, когда дело заходило слишком далеко. А незнакомцы – да это же просто какие-то рассылные. Но тогда вопрос: почему он вдруг сразу твердо решил ни в чем не уступать этим людям?

Упрекнут в непонимании шуток? Наплевать на этих дураков.

Борис вспоминал случаи, когда он не придавал значения каким-то событиям, счел их мелкими, незначительными. А потом были неприятные последствия.

Однажды один из пожилых сотрудников, бывший, кажется, разведчиком во времена финской войны, принес ему красивую латунную пластину. На нее можно выдавливанием нанести рисунок. Такой милый подарок – почему не попробовать? Борис, не задумываясь, вложил тонкую пластину в какую-то книгу. Ровно в этот день, ни раньше ни позже, после работы его обыскали в проходной – раньше такого никогда не было. Пересмотрели все папки с бумагами и книги. По счастью, пластину не заметили. Пронесло. А могли быть серьезные проблемы – хищение социалистической собственности на режимном предприятии. Пластина наверняка была родом из макетной мастерской. Страшно подумать. Вот к чему могла бы привести его легкомысленность.

Нет, сейчас он не допустит такой ошибки. Больше это не повторится. Если они задумали розыгрыш, он им подыграет – почему нет? От него не убудет. Тем более что как ни прикинь, пока что он вполне свободен.

А если прямо сейчас он возьмет и рванется к входной двери, напролом, так сказать, чтобы пройти к мадам Гаулейтер и к заветному телефону? Тогда они его возьмут и задержат. Это будет очень даже унижительно. И он сразу потеряет все преимущества, которые сейчас имеет перед ними. Преимущества интеллекта и маневра. Он свободный человек и может делать то, что считает нужным. А они служащие – если, конечно, они служащие – и могут делать только то, что им предписано. Ну хорошо, а если он все-таки доберется до телефона и приедет милиция? А эти незнакомцы скажут, что они его друзья-сослуживцы, и кто виноват, если человек не понимает шуток? Чего тогда он добьется?

– Разрешите пройти, – сказал КГ и быстро прошел в спальню.

– Разумный, серьезный, вдумчивый человек, ничего не скажешь. Услышал все-таки голос разума, – донесли до него слова одного из непрошенных гостей.

Войдя в комнату, он открыл сразу несколько ящиков стола. Официальные бумаги у него всегда были очень аккуратно разложены. Но от волнения он никак не мог найти какое-нибудь удостоверение личности. В руки попадались всякие незначительные документы: профсоюзный билет, книжка ОСОАВИАХИМ, корочки члена общества спасения на водах, удостоверение о том, что он, гребец Б.И. Кулагин, в соревнованиях на фофанах получил третий юношеский разряд, грамота о том, что на торжественном вечере в день 60-летия Октября он читал какие-то патриотические стихи. Борис и сейчас помнил эти стихи: «Он дие, дие, вечно дие, боец-украинец сказал». Вот комсомольский билет, сгодится на крайний случай. А вот и паспорт.

Он вышел в прихожую. Дверь отворилась, и появилась мадам Гаулейтер. Увидев Бориса, она смутилась, спиной задвинулась обратно в дверной проем, очень медленно и осторожно закрыла входную дверь его квартиры.

– Да входите же вы, Евдокия Прокопьевна! – только и успел произнести он.

Борис стоял обескураженный, с бумагами в руках, посреди прихожей, растеряно глядя на входную дверь, но дверь не шелохнулась.

Окрик охранников привел его в чувство. Он повернулся к кухне и через открытую дверь увидел, что они сидят за столиком у открытого окна и с удовольствием поглощают его завтрак.

«Взяли без спроса тарелки, чашки, вилки, ножи, сахар, хлеб... И мой завтрак. Как это все-таки нетактично».

Он хотел сделать им строгий выговор, но вместо этого спросил:

– Почему она ушла?

– Не положено, – сказал потный и отпил глоток пива из бутылки. Вид у него был вполне довольный. – Вы, слава богу, арестованы. И вас охраняют не последние люди нашей отчизны и родного ведомства. Так что ваша безопасность полностью гарантирована.

«Безопасность, – с отвращением подумал КГ. – Как будто мне что-то угрожает кроме присутствия этих двоих незваных гостей».

– Послушайте, разве это так делается? Какой же это арест? Вовсе я и не арестован.

– Опять двадцать пять. Есть такие люди, Вован, им хоть сто раз объясняй, они все равно ничего не понимают. Я не намерен в тысячу первый раз отвечать на один тот же вопрос, – довольно миролюбиво сказал потный и любовно провел мягкой корочкой аппетитного батона по желтой яичной лужице в тарелке.

– Но на этот раз вам все-таки придется мне ответить. Вот мои документы. Я – Борис Илларионович Кулагин. Начальник сектора солидного предприятия, занимающегося повышением обороноспособности нашей Родины. Комсомолец, между прочим. Аспирант. Лауреат премии Ленинского комсомола за разработку особо важных телеметрических систем. Член профсоюза, – неуверенно добавил он. – А вы кто? Предъявите свои документы. И в первую очередь – ордер на арест.

– Господи боже ты мой, – всплеснул руками потный. От огорчения он даже прекратил есть, встал и выпрямился во весь свой высокий рост. – Почему вы никак не можете осознать

своего положения? Какие у вас могут быть права? После ареста все становятся бесправными. У вас есть только те права, которые мы вам дадим. Нет, вам обязательно надо испортить то благоприятное впечатление, которое вы у нас поначалу создали. Зачем-то постоянно огорчаете нас и даже злите. И, между прочим, вы делаете это очень даже опрометчиво. Как тот чеченец, который совершенно напрасно укусил меня за бицепс. И в результате проиграл схватку. Вы только усугубляете свое и без того незавидное положение. И расстраиваете нас. Вам в охранники достались такие добрые, сердобольные и приличные люди. А между прочим, мы сейчас для вас самые близкие люди на свете. Кто вам сейчас ближе нас? Может, эти старухи, которые глазят из соседнего дома? Может быть, Евдокия Прокопьевна, которая сдала вас со всеми потрохами, как только мы появились? Или эта еврейка Клара, которая нам повстречалась в парадной дома? Мы ее обыскали, проверили. Она, между прочим, позволила нам очень многое, может, не намного меньше, чем позволяет обычно вам. Она ведь предъявила нам все свои прелести, которые должны были бы скрываться у нее под трусиками. Почему у нее не было трусиков? Вот то-то. Или некоторые ваши сослуживцы, которые сразу согласились... Вы пока этого ничего не знаете.

– Или ваши сослуживцы, вот именно, – у вас остались только мы, только мы одни, можете мне поверить, – сказал Вован и одарил КГ долгим, многообещающим, манящим и как бы немного эротическим взглядом поверх большой кружки с кофе, которую держал у самых губ.

«Хорошо хоть, что не упомянули о матери и сестре», – подумал КГ. Он плохо осознавал, что происходит, и почему-то ответил первому охраннику в точности таким же выразительным взглядом. Но потом, словно спохватившись, хлопнул ладонью по своим бумагам и решительно сказал:

– Кто бы вы ни были и что бы вы о себе ни думали, но вот вам мои документы.

– Оч-ч-чень хорошо, так и держите их при себе, пользуйтесь случаем, пока что вам это разрешено. А нам-то зачем эти ваши документы? Мы все равно ничего в них не понимаем. Мы – простые люди, только лишь исполнители поручений нашего ведомства. Перед нами поставлена задача: охранять вас, чтобы вам не было никакого урона или вреда. Охранять по десять часов каждый день, а потом запирают вас, чтобы никто из посторонних не смог к вам попасть. Это наша работа. Мы вас охраняем. И получаем за это жалование. Чтобы есть, пить. У нас ведь еще и семьи есть.

А почему уж именно нас именно к вам поставили – это не нашего ума дело. Есть другие люди, чины, которые думают о правильном порядке в стране. Высшие власти, которые точно устанавливают, кто что нарушил, и дают нам поручение об аресте. И причину ареста устанавливают досконально, доподлинно. Откуда здесь могут быть ошибки? Вначале происходят нарушения и даже преступления. Потом информация о них поступает в наше ведомство. Она не может не поступить. Для этого существуют тысячи каналов. В общем, будьте уверены. Не будет преступления – ведомство вами не заинтересуется. Зачем ему невиновные? У него и так ой как много дел. Зачем ему заниматься лишними делами? Здесь все точно, как в аптеке. Социалистическая законность. У нас самые гуманные законы. Наши органы стараются не карать, а миловать. Главное – не суровость наказания... Вот-вот, вы знаете – а его что? Не-от-вра-ти-мость! Вот мы с вами беседуем как близкие друзья. За чашечкой кофе, кстати. Все вам терпеливо объясняем, разобъясняем. А нас посылают сюда. Охранять арестованного. Таков закон.

– Нет такого закона, чтобы взять и арестовать невиновного человека. Я не знаю такого закона.

– Не знаете? – тем хуже для вас. Незнание закона – что? Правильно – не освобождает...

– Этот закон – просто фу, он существует только у вас в голове.

Борису очень хотелось вызвать охранников на откровенность, узнать, о чем они думают, самому попытаться понять или склонить мнение охранников в свою пользу. Но ему ничего объяснять не стали. Потный сказал неожиданно жестко:

– Не только у нас в голове. Вы очень скоро почувствуете на себе его суровость и неотвратимость. И не смейте противопоставлять себя нашему самому прогрессивному пролетарскому государству. Даже не пытайтесь.

В разговор вмешался Вован:

– Послушай его, Димон, зачем ты с ним споришь? Он ведь сам признался, что не знает закона. Как можно доказывать свою невиновность, если не знаешь закона?

– Я уже сказал: незнание не освобождает... Но ему ничего не объяснишь, есть такие люди...

«Интересно, что он имеет в виду, мое еврейское происхождение, что ли? Да я ведь всего-то на четвертинку. Папа – чистый Кулагин. Немного с грузинской начинкой. А мама – наполовину. Хотя, как известно, бьют не по паспорту, а по лицу.

Нет, я больше не буду обсуждать с ними что-либо. Неужели я позволю сбить себя с толку этой безответственной болтовней? Они рассуждают о государстве, о законах, а сами ничего об этом – ни уха, ни рыла. И опять эти старухи в окне напротив – когда это прекратится? Тоже мне зрелище нашли. Почему всех так привлекают чужие неприятности?

Есть у них в ведомстве люди, хоть сколько-нибудь продвинутые? Если бы я нашел человека своего круга, – ну, не своего круга, а своего развития, – достаточно было бы двух-трех слов, и все стало бы на свое место. Может, мне просто рассмеяться и сказать им: «Ну хватит комедию ломать»? И они рассмеются в ответ».

– Давайте прекратим эти бессмысленные разговоры. Проведите меня к своему начальству.

– Проведем. Но не раньше, чем самому начальству это потребуется, – ответил тот, кого звали Димоном. – И теперь я дам вам один простой совет. Пройдите в свою комнату и спокойно дождитесь решения по вашему вопросу. Зачем вам нервничать, тратить свои силы на бесполезные рассуждения? Возьмите себя в руки и сосредоточьтесь. Вам будут предъявлены серьезные претензии, и дальше многое будет зависеть от вашего поведения.

Мы были добры с вами, а вы повели себя неправильно и несправедливо. Знаете, в чем разница между нами? Мы, по крайней мере, свободны. А это немалое преимущество. Придет время, и вы сможете это понять. Вы не понимаете, а мы тем не менее входим в ваше положение. Дайте нам денег, и мы принесем вам завтрак из кафе напротив.

«Насчет свободы все как раз ровно наоборот. Я могу взять и уйти, и ничего они мне не сделают. Но я не буду делать резких движений. Думаю, что эта ерунда сама собой рассосется. Завтрак из занюханного кафе в кинотеатре... мне тоже не нужен. Высохший сыр, прогорклое масло и позавчерашний салат «Оливье» – бр-р-р-р! – подумал КГ и, ничего не сказав, прошел в свою комнату. Взял яблоко, приготовленное на завтрак, и, не раздеваясь, плюхнулся на тахту. – Это яблоко, по крайней мере, свежее и, кстати, довольно вкусное».

У него почему-то поднялось настроение. Все рассосется, он уверен в этом. Беспокоило то, что он уже сорок минут назад должен быть на работе. Как объяснить свою задержку? Ему, конечно, простят опоздание, но как он будет все это объяснять? Может, так прямо и рассказать все, что с ним случилось? Вряд ли они поверят. Ну, тогда можно было бы попросить подтверждения у мадам Гаулейтер или, в крайнем случае, у тех старух из окна напротив – интересно, они ушли уже или еще нет? Или пусть спросят у Клары. Нет, Клара – скромная девушка, не нужно ее впутывать в это дело.

КГ подошел к шкафу. Там среди книг стояла бутылка армянского коньяка. Выпил одну рюмку – это закуска перед завтраком. Выпил вторую – это его завтрак. Неплохой завтрак получился.

А может, покончить жизнь самоубийством? Например, выбростись из окна прямо на глазах этих старух? Охранники, кстати, отвечают за его безопасность. Скандал. Вот уж у них точно будут неприятности. Почему они не подумали об этом, дубины стоеросовые? А из-за

чего, собственно, ему нужно было бы покончить с собой? Из-за того, что эти двое съели его завтрак? Или, может быть, оттого, что они засовывали пальцы во все места его милой Клары? Будто для Клары это какая-то новелла – вот уж полная ерунда. И для нее, и для Бориса тоже. Наглость, конечно. Но пережить это совсем не сложно. Вот он есть – цел и невредим, и все у него в полном порядке. «Жив, здоров и невредим школьник Вася Бородин». Да и Кларочка, наверное, уже на занятиях. Спит, бедняжка, под мерный говор препа. КГ ей всю ночь не давал уснуть. А у этих, что на кухне, – очень, кстати, ограниченные типы, – если у них чуть соображения имеется в голове, они тогда тоже вполне могут сообразить, что нечего им опасаться, не станет он из-за этой ерунды принимать такие вот экстраординарные меры... Хотя, конечно, это их недоработка. Не принять ли еще одну рюмочку? Для храбрости, если понадобится. Хотя вряд ли понадобится...

Из кухни до него донесся резкий солдатский крик:

– Арестованный, немедленно к инспектору!

От испуга он стукнулся зубами о стекло рюмки. Это Вован. Такого окрика, безапелляционного и жесткого, КГ никак не ожидал от мягкого с виду Вована. Но факт предстоящей встречи со старшим по службе его обрадовал и взволновал.

– Есть явиться к инспектору!

Он быстро поставил в шкаф бутылку и рюмку и рванулся на кухню. Охранники тут же загнали его в спальню.

– Вы с ума сошли! В таком виде к офицеру? Спальная футболка, халат, незастегнутые брюки. Вас тут же отправят в холодный карцер на две недели. А нас – чистить нужники. У нас нужники – не то что ваш туалет. И личного состава там проходит за день две сотни человек. Костюм, галстук, рубашка, начищенные ботинки – у вас хоть есть такое?

Уж что-что, а хорошую одежду КГ умел ценить, был щеголем, носил модные вещи и одевался предельно аккуратно. Ему претила эта, как бы демократическая, манера ходить на работу в одежде свободного покроя – в свитерах и джинсах. На службе он всегда был в костюме с белой рубашкой и галстуком. Нельзя сказать, что костюм сидел на нем идеально. Пиджак был великоват для него, зато в этом костюме Борис выглядел крупнее и внушительней.

– Если это ускорит мое дело, я не возражаю.

«Сейчас уже не стоит терять время на мытье, – подумал он. – Жаль, что я не успел принять душ, но охрана этого не потребовала».

Потный послал Вована доложить, что арестованный одевается. «Где, интересно, расположился сейчас этот, как они сказали, инспектор? Какое-то невоенное название должности. Инспекторы в отделе кадров или в первом отделе – впрочем, мне-то какая разница?»

Борис оделся, посмотрелся в зеркало прихожей – все в порядке, выглядит он отменно. Похоже, что жизнь налаживается.

Димон провожал его к инспектору, буквально наступая на пятки. Вышли из квартиры Бориса в коридор перед лестничной площадкой и сразу же нырнули в соседнюю двушку, принадлежащую мадам Гаулейтер. Дверь этой квартиры была предварительно открыта. Миновали прихожую и зашли в маленькую комнату, размеры и расположение которой соответствовали спальне в квартире КГ. Именно в этой комнате недавно поселилась некая Мариула Толоконникова. Она работала секретарем в какой-то конторе, уходила на службу рано, а возвращалась довольно поздно. КГ и Мариула (по другой версии – Марина) изредка сталкивались у лифта и обменивались обычными приветствиями. В комнате Марины стояла двуспальная тахта, в точности такая же, как в спальне у КГ, а рядом – небольшой столик. За ручку открытого окна была зацеплена вешалочка с кремовой блузкой. Столик, скорее всего, раньше стоял у окна, а теперь его выдвинули на середину комнаты. Видимо, чтобы производить допрос.

За столиком на единственном стуле сидел, откинувшись назад, инспектор, одна рука заброшена наискосок и еще дальше назад за спинку стула. Он был весь какой-то серый: серый

пиджак, серая рубашка с мятым воротничком без галстука, серое, невзрачное, но пока еще совсем не старое лицо.

В углу стояли двое молодых людей, разглядывали фотографии Марины, прикрепленные булавками к неаккуратно вырезанному куску черного сукна, – в основном черно-белые, но были также и цветные, довольно топорно напечатанные в какой-то дешевой мастерской. КГ рассеянно рассматривал эту нехитрую мизансцену.

«В купальнике на пляже... Наверное, берег Черного моря. Неплохо, однако, выглядит наша секретарша», – отметил про себя Борис.

Инспектор осторожно кашлянул в кулак, чтобы привлечь внимание арестованного.

– Борис Кулагин?

КГ подтвердил кивком головы.

– Должно быть, для вас оказались полной неожиданностью события сегодняшнего утра, – признайтесь, ведь это так?

Инспектор поправил гобеленовую скатерть на столике, сгреб к центру лежащие на нем предметы: небольшую ночную настольную лампу с пластиковым абажуром, спички, подушечку для булавок, маникюрный набор, пилку, флакончик с лаком для ногтей.

– Как будто да.

Сердце КГ радостно забилося – наконец-то появился человек с мозговыми извилинами. С ним вполне возможно обсудить его дело.

– Как будто да, – повторил он. – И в то же время я, откровенно говоря, не очень удивлен.

– Что означает «не очень»? Какое значение вы вкладываете в это слово – «не очень»?

Инспектор поставил настольную лампу на середину стола, выровнял ее пластиковую шляпу так, чтобы она была закреплена в абсолютно горизонтальном положении, и стал расставлять остальные предметы вокруг нее, наклоняя свою голову то вправо, то влево, чтобы убедиться в симметричности и точности полученной композиции. КГ поискал глазами – есть ли в комнате еще один стул или табуретка. В крайнем случае, можно сесть и на край тахты.

– Я могу присесть?

– Вам сидеть не положено, – ответил инспектор. – Вы же арестованный.

– Я хочу сказать очень простую и понятную вещь, – продолжал КГ без остановки, будто его нисколько не смутил грубый тон инспектора. – Конечно, с одной стороны, я смущен всем тем, что произошло сегодняшним утром. А с другой стороны, посудите сами. Я прожил на свете ни много ни мало – 27 лет. Мне приходилось полагаться в жизни только на самого себя, самому пробиваться, чтобы достигнуть достойного положения в обществе: образование, работа, сослуживцы, квартира. У таких людей, как я, вырабатывается привычка стойко принимать удары судьбы и стараться не переживать из-за них, особенно из-за таких случаев, как сегодня.

– Почему вы сказали: «особенно из-за таких случаев, как сегодня»? Почему особенно из-за таких?

– Поймите меня правильно. Я далек от того, чтобы считать это шуткой. Слишком уж все далеко зашло и никак не похоже на шутку. В эти события оказалась вовлеченной товарищ вахтерша, не исключено, что и другие должностные лица кооператива «Базальт». Да и все вы, серьезные должностные лица, и вот эти молодые люди. Может быть, имел место несправедливый оговор, чья-то клевета в письменном виде. Но уж во всяком случае – никакая это не шутка.

– Вот это верно, – сказал инспектор и критически осмотрел, насколько ровно он положил спички – головками наружу – вокруг основания ночной настольной лампы.

– А теперь давайте посмотрим на этот случай с другой стороны. – Борис обратился к двум молодым людям, рассматривающим фотографии, он хотел вовлечь их в общий разговор. – Может ли это все иметь хоть какое-нибудь значение для моей дальнейшей жизни? Начнем с того, что я не имею ни малейшего представления о том, в чем же меня обвиняют. А между тем я знаю, что за мной нет никаких ни гражданских, ни уголовных, ни уж тем более поли-

тических правонарушений. Я лояльный к своей стране гражданин, комсомолец, поддерживаю во всем руководящую нашим обществом Коммунистическую партию. И своим ежедневным трудом делаю все от меня зависящее, чтобы укреплять дальнейшее развитие развитого социализма. Но на самом деле и это не главное. Совсем не главное. Главное, товарищи, совсем в другом.

Главное состоит в том, чтобы выяснить наконец, – кто меня обвиняет? Какое ведомство ведет дело? Если, к примеру, это котлонадзор или лифтремонтаж, то какое это может иметь отношение ко мне? Здесь явная ошибка. Вы служащие этого ведомства. Но на вас нет формы. Вот то, что на вас, – Борис обратился к тому, кого называли Вованом, – если это форма, то это скорее костюм рабочего или дорожная одежда. Я требую в этом вопросе полной ясности. Требую. Потому что после выяснения этого важного обстоятельства у нас не останется друг к другу вопросов и мы сможем, наконец, расстаться. И расстанемся друзьями – так, как и положено гражданам нашего уникального государства, построившего для своих трудящихся самое справедливое на свете общество развитого социализма.

Инспектор двумя руками поднял ночничок за основание, резко стукнул им по столу и вскочил со стула.

– Вот тут вы глубоко ошибаетесь, мил-человек. Во-первых, трудящийся трудящемуся рознь. Еще мы не знаем, какой вы трудящийся. А вот что точно известно, так это что вы арестованный. Теперь о вашем деле. Мои сотрудники уже несколько раз объясняли вам, что ни они, ни я, а еще я сам добавлю – ни эти товарищи, – он показал в сторону двоих молодых людей, – не имеем ни малейшего отношения к вашему делу. Может быть, охранники что-то вам наболтали, но я не советую придавать их словам хоть какое-то значение. Мы лишь делаем нашу работу, которая поручена вышестоящим начальством. Даже если бы мы были в форме нашего ведомства, ваше дело от этого никак не ухудшилось бы и, естественно, не улучшилось бы тоже. Я не имею права отвечать на ваши вопросы. А вот совет могу дать. Поменьше надо думать о нас, почему и за что вас арестовали. Подумайте лучше о своей судьбе. Сосредоточьтесь на том, что вам теперь надо делать и как вам выпутаться из этой передрыги. Хватит бесконечно кричать: «Я не виноват, я не виноват». Нам это все равно. Нам от этого ни холодно ни жарко. Нам с вами еще придется много времени провести вместе. А вы все делаете, чтобы испортить то благоприятное впечатление, которое, как мне доложили мои подчиненные, попервоначалу произвели на нас. Посдержанней и помужественней надо вести себя. Сразу видно, что не коммунист. Вы член партии? Нет. Это заметно. И, скорее всего, не коренной национальности, хотя это нас не касается. Вы тут нам столько всего наговорили сразу. А это, между прочим, и так яснее ясного. Сказали бы всего два слова. А что до остального – так это все лишнее и никому это не надо. Только воздуха сотрясаете. У нас тоже нервы есть, и, между прочим, они не железные, совсем не железные. Мы к вам всей душой, а вы – без всякого уважения. Хотя вы же понимаете, что мы при исполнении.

Кулагин с удивлением смотрел на инспектора. «Этот совсем еще молодой человек, ровно ничего не достигший в жизни, младший чин, – есть ли у него вообще какой-либо чин? – отчитывает меня, словно школьника. И ни слова о том, за что арестовали, кто арестовал, кто принял решение об аресте».

Борис разволновался, стал бегать по комнате взад-вперед – никто ему не препятствовал, – остановился перед двумя молодыми людьми и закричал, обращаясь к ним:

– Вы хоть понимаете, что это полная бессмыслица?

Молодые люди взглянули на него с сочувствием, но тем не менее достаточно строго и с чувством собственного достоинства.

Борис внезапно остановился у столика инспектора и сказал с вызовом:

– Прокурор Мессерер – давний друг нашей семьи и моего отца. Будет ли мне дозволено позвонить ему?

– Конечно, никаких проблем. Евдокия Прокопьевна подсуежилась. Вот у нее в коридорчике стоит личный телефон. У вас нет, хоть вы и такой продвинутый, а у нее есть. И в квартире, и на вахте. Звоните. Только я не пойму, какой вы во всем этом увидели резон. Прокурор, даже с такой звучной фамилией, никакого отношения к нашему ведомству все равно иметь не может. Или вы хотите позвонить вашему Месрессеру по личному делу? Звоните. Мирное время, войны отгремели. Можно разрешить телефонные звонки кому угодно. Даже врагу народа. Только вы не подумайте, я никого не обвиняю, – и он вышел в прихожую и протянул Борису черную телефонную трубку. – Звоните. А то еще решите, что я вам запрещаю.

– Какой смысл? Почему это вы мне выговариваете? Не много ли на себя берете? Да кто вы такой? Все смысл ищете. Если вам смысл нужен, зачем вы наворачиваете горы вашей бессмыслицы? Сначала двое ваших охранников ворвались, просто ворвались в мою квартиру, перед этим обидели мою девушку, которая от меня ехала на учебу, мою бедную, беззащитную Клару. На каком основании, скажите мне? Теперь эти двое глазят, смотрят, как вы издеваетесь надо мной, заставляют меня, словно мальчика какого, танцевать под вашу дудку. Объявили, что я арестован, но не могу позвонить прокурору. Это, видите ли, бессмысленно. Да еще сознательно коверкаете фамилию уважаемого человека. Так вот, знайте и зарубите себе на носу: я и сам не стану ему звонить.

– Отчего же, звоните, я не против.

– Нет, теперь я и сам не хочу.

Борис подошел к окну. Старухи уже были тут как тут, они переместились к окну напротив, чтобы лучше видеть, что происходит в комнате Марины.

– Вот полюбуйтесь, – сказал он инспектору. – Эти тут как тут... Какая назойливость!

Инспектор будто согласился с ним.

– Убирайтесь вон, старые бездельники! – заорал Борис в открытое окно.

Старухи отступили вглубь своей квартиры, но не ушли. Они шевелили губами, видно, что-то говорили, но услышать, о чем шла речь, на таком расстоянии было невозможно.

В комнате наступила тишина. Инспектор положил руки на стол и, сложив пальцы вплотную друг к другу, изучал, какие пальцы длиннее, какие короче. КГ на мгновение проникся его озабоченностью и подумал: «Средний палец – самый длинный, а безымянный и указательный короче, почему они разной длины, почему указательный короче, чем безымянный?» Двое молодых людей рассеянно озирались по сторонам, крутили головами и тихонько покашливали. Их, видимо, не интересовала относительная длина пальцев рук. Охранники присели рядом на небольшом сундучке в прихожей. Вид у всех был абсолютно безмятежный.

– Ну что, дорогие товарищи и друзья? Судя по вашему умонастроению, я легко могу заключить, что дело, которым вы занимаетесь, мое дело, полностью себя исчерпало. Давайте почтем за лучшее не вдаваться в детали и не разбирать, насколько оправданны или, наоборот, неоправданы ваши притязания и поступки, сделанные, я уверен, с лучшими и благороднейшими намерениями, а просто мирно расстанемся, разойдемся, так сказать, по своим делам. А перед этим обменяемся дружескими рукопожатиями.

Борис подошел к столу инспектора и протянул ему руку в полной уверенности, что тот ответит ему рукопожатием. Рука КГ была в этот момент недалеко от лица инспектора. Тот пошевелил носом, будто обнюхивая протянутую руку, его красноватые веки задрожали. Затем встал, демонстративно вытянулся и, покусывая губы, что явно выдавало его волнение, двумя руками взял шляпу с небольшими полями, лежавшую до этого на постели Марины Толоконниковой, аккуратно и осторожно надел ее на голову – так, будто это была совсем новая, ни разу еще не надетая шляпа.

– Как, однако же, все для вас просто. Взять и мирно разойтись. Вы ведь арестованы. И я пришел сюда сообщить вам именно об этом. И сообщил. И со всем тщанием убедился, что до вас дошло это сообщение, а не улетучилось куда-то в воздух, так и не достигнув адресата.

Но вы не должны отчаиваться. Вы ведь просто арестованы, и жизнь продолжается. На сегодня наш с вами план выполнен, и мы вполне можем попрощаться. Правда, на время. Вероятно, вы захотите прямо сейчас отправиться на работу.

– На работу? Что-то я не понял, ведь вы меня арестовали.

Конечно, он был оскорблен до глубины души тем, что инспектор отказался пожать его руку. Но в этот момент Борис почувствовал нечто совсем новое – он теперь все меньше и меньше зависит от этих людей! Кроме того, что он, Борис Илларионович, выше их во всех отношениях, он ведь просто играл с ними. Сейчас они пойдут на улицу, а он догонит их и скажет: «Вот вы взяли и ушли и не выполнили своего предназначения. Вам же поручено другое – вот вернитесь и потрудитесь все-таки по-настоящему арестовать меня». Но они пока что здесь. Поэтому он и сказал с вызовом:

– Как же я могу пойти на работу, если я арестован?

– Ах, вот вы о чем. Попробую объяснить еще раз. Интеллигенция всегда очень туго сообщает – образование мешает. Насколько проще иметь дело с рабочим человеком. Тот всегда смотрит в корень. Да, вы арестованы. Но, поскольку идет предварительное следствие по вашему делу, это не должно препятствовать выполнению вами своих служебных обязанностей. И вообще – можете вести свою обычную жизнь.

– Ну, тогда этот арест не так страшен, как мне показалось попервоначалу.

– Вот именно я пытаюсь все время вам объяснить.

– Тогда и сообщать об этой ерунде совсем не стоило, – тихо сказал Борис, вплотную приблизив лицо к лицу инспектора.

– Это была моя обязанность, – еще тише ответил инспектор, глядя прямо в глаза КГ.

– Преглупейшая обязанность, – прошептал Борис.

– Очень даже может быть, – ответил инспектор и отстранился. – Тем не менее, я думаю, вы спешите с оценками. Ведь я еще не выполнил свои обязанности в полном объеме.

Охранники вплотную подошли к Борису и инспектору, все четверо столпились у самого входа в комнату.

– Мы должны отметить вас, чтобы все знали, что вы арестованы, – сказал инспектор.

Димон достал овальный отрезок какого-то липкого материала размером примерно десять-двенадцать сантиметров и плотно прижал его ко лбу Бориса чуть выше правого виска.

– Не двигаться, это недолго.

Все замерли. Секунд через десять наклейку с него сняли. КГ подошел к зеркалу и увидел на правой стороне лба раздражение, напоминающее красноватое родимое пятно.

– Что это, что вы со мной сделали?

– Не волнуйтесь, это довольно безвредный вирус. Он, конечно, паразитирует на коже арестованного, но никаких страданий он вам не причинит. Не вздумайте сами избавляться от него – вы только навредите вашей красивой загорелой коже. Когда придет время, с вас или снимут обвинение или, наоборот, вам огласят приговор, это пятно тут же будет удалено. Безболезненно и без всякого следа. Можете мне поверить. Не обращайтесь. Многие рождаются с такими пятнами и живут с ними всю свою долгую, иногда даже – счастливую жизнь.

– Но ведь все знают, что у меня раньше не было такого пятна.

– Скажите, что вы ушиблись, что это просто ушиб. А теперь вы вполне можете идти на работу, если хотите, конечно. А чтобы ваше опоздание прошло незаметно, я взял с собой этих молодых людей, ваших коллег, сотрудников НПО. С ними вы и отправитесь на службу. Только не подумайте, что я заставляю вас идти на работу. Это ваше личное дело и нас совершенно не касается. Если не хотите идти в таком виде, залепите пятно пластырем, вот возьмите, мы заранее обо всем позаботились.

КГ подошел к зеркалу и убедился, что пластырь надежно закрыл пятно. «Шрамы украшают мужчин», – подумал он. Потом уставился на двоих юнцов, которые казались ему просто

посторонними статистами, беззастенчиво рассматривающими фотографии хорошенькой женщины. Как он их сразу не узнал? Это же молодые специалисты, совсем недавно пришедшие на работу в соседний сектор. Какие же они худосочные и прыщавые. Видимо, они еще не узнали, что на свете есть женщины. Никудышные специалисты и несостоявшиеся мужчины. Никогда не состоятся – ни как специалисты, ни как мужчины.

– Извините, ребята, что не узнал вас, – сказал он после минутной паузы. – С добрым утром.

«Ребята» заулыбались так, словно они специально пришли сюда, чтобы пожелать КГ доброго утра, и очень корректно пожали протянутую руку Бориса.

– Похоже, наши гости внезапно испарились, будто их и не было совсем. – Борис задумчиво потрогал наклейку на лбу. – Получается, что мы вместе отправимся сейчас на работу. Я скажу вашему руководителю, что сегодня утром вы мне очень помогли. Не сходите ли в мою спальню за шляпой? Погода не очень, накрапывает дождь, и мне, пожалуй, было бы удобней в шляпе. Да не бегите вы так, дело не такое уж спешное. Большое спасибо, очень хорошо, – юнцы продолжали улыбаться ему и заглядывать в глаза.

Спустились на лифте, внизу их встретила Евдокия Прокопьевна. На ее лице нельзя было заметить следов смущения или вины. Она открыла входную дверь и подержала ее, пока все трое не очутились на улице. КГ обратил внимание, насколько глубоко пояс лифчика, угадывавшийся под кофточкой, и фартук врезались в ее мощный и непоколебимый стан. Из парадной дома напротив появились старухи, которые все время наблюдали за перипетиями ареста КГ.

– Не смотрите на них, – скомандовал Борис, но потом смутился – какое право он имеет говорить в таком тоне с этими молодыми, но уже вполне взрослыми людьми? – Мы здорово задержались, ребята. Ладно, я угощаю. Сбегайте на угол, поймите такси, я плачу.

Когда они уже были в такси, КГ вспомнил о том, что сначала не обратил внимания на этих молодых людей, а между тем это сотрудники его предприятия и очень хорошо ему знакомы. А потом, когда уже говорил с ними, он опять не заметил, на этот раз – как исчезли инспектор и два охранника с ним. «Да, – подумал Борис, – плохо дело. Это свидетельствует о том, что ты, Борис Илларионович, теряешь присутствие духа. Обрати внимание. Эти оглоеды так просто твое дело не оставят. Тебя ждут суровые испытания. Ничего, я еще разберусь с этим секретным ведомством, кто они и по какому праву портят жизнь приличным людям».

2

Какой все-таки замечательно интеллигентный и корректный народ трудился на его фирме «Базальт»? Наклейку на лбу Бориса невозможно было заметить. Но никто ему и слова не сказал. Могли бы и сказать что-нибудь участливое. Типа того – что, мол, случилось? Вы ушиблись, обращались ли вы к врачу, нет ли, к примеру, сотрясения мозга? Ничего подобного. Все отводили глаза и старались поскорее закончить разговор с КГ.

Только начальник отдела Евгений Тимофеевич Полупанов, полнокровный жизнерадостный человек, который очень любил КГ за трудолюбие и исполнительность, а главным образом – за улыбочку и нежную показную любовь к начальству и даже иногда после работы приглашал его «зайти к полковнику», то есть посетить рюмочную на углу Литейного и «полковника Пестеля», чтобы вместе выпить по рюмке холодной водки и закусить бутербродом с килькой, встретив Бориса в приемной отдела, озабочился его внешним видом и, не спросив ничего о наклейке на лбу, поинтересовался, все ли у того в порядке. Ведь у Бориса, как ему сказали, сегодня день рождения. Почему же он так бледен и не случилось ли чего особенного с ним сегодня утром?

Может так быть, что они все прекрасно понимают смысл наклейки? Может ли быть, к примеру, что для них всех он уже совсем конченный человек, изгой, враг пролетарского государства, а эта наклейка на лбу – все равно что желтая звезда Давида, пришитая к одежде евреев в фашистской Германии?

В таких беспокойных мыслях проходил рабочий день Бориса Илларионовича. Возможно, источником распространения слухов были как раз юнцы из соседнего сектора, которых он подвез сегодня на такси. Они работали по той ОКР, которую вел КГ в качестве технического руководителя, так что он в некотором смысле был их начальником. Смешные, кстати, фамилии у них, будто специально подобранные, – Реликтов и Рецепт. КГ несколько раз – и вместе, и поодиночке – вызывал их к себе с единственной целью: понаблюдать за поведением молодых людей, и каждый раз отпускал их вполне успокоенный.

Крупнейшее в отрасли объединение, колоссальная по размеру и численности фирма, а эти двое – просто мелкая килька, которая растворилась без следа в трюме огромного корабля под названием НПО «Базальт».

Нет, зря он тревожится. Никто ничего не знает. А если кто-то и узнает, вряд ли станет придавать значение этой абсолютной чепухе. Наклейка на лбу, конечно... А под ней родимое пятно. Пугают меня... Завтра утром и следа не останется от этой кожной печати.

Все шло своим чередом. Приходили сослуживцы, поздравляли с днем рождения. Поднесли бокал шампанского. «Боря, Боря, Боря, Боря, пей до дна!»

Приходили от профсоюзной и партийной организации отдела. Тоже поздравляли. С ними – один из старейших сотрудников – Михаил Арзамасович Сокол. На «сокола» совсем не похож. Седенький, скромный, даже застенчивый. Когда все ушли из кабинета КГ, он почему-то задержался.

– Борис Илларионович, вы приличный, порядочный человек, зачем вам все эти осложнения?

– Что вы имеете в виду, Михаил Арзамасович?

– Давайте говорить напрямую. Почему бы вам не вступить в партию?

– Да меня вроде никто не приглашал пока.

– Вы на хорошем счету. Я дам вам рекомендацию. Знаете, так нехорошо говорить, наверное... Вы перспективный работник, это поможет вашему продвижению по службе. И вообще...

– Что вообще? Что вы имеете в виду?

– Может помочь снять какие-то ваши проблемы.

– Какие проблемы, на что вы намекаете?

– Я, конечно, не знаю, ничего не хочу сказать такого, извините меня, если что не так, – и он выразительно показал глазами на наклейку над виском КГ. – Если я как-то обидел вас, простите меня, старика.

– Что вы, что вы, ваше предложение – большая честь для меня.

Борис подумал о том, насколько было бы опасно принять предложение этого плешивого «сокола». Придется ведь, как говорят, «разоружиться». Хотя за ним ничего нет, но они из всего сделают проблему. На комиссии будет: расскажите то, расскажите это. Позора ведь не оберешься. А сами все знают. Не расскажешь – скрываешь от партии, не разоружился. А расскажешь, все равно в порошок сотрут.

Расскажите, кто ваш отец? Чем занимался? Вы знали, чем он занимался? Почему не сообщили куда следует? На какие средства купили квартиру? Из каких средств доплачиваете вахтерше? А что это за подозрительная связь с девушкой, проживающей на проспекте Обуховской обороны? У нее ведь родители в Америке. Вы что-нибудь рассказывали ей о своей работе? У вас ведь вторая форма, подписку давали. Дело молодое, вы не женаты, это понятно, но надо бы поосторожней быть. С французенкой переписывались. Ну, вы ей не писали. Но она-то вам писала. С какой стати она решила вам написать, вы подумали? Она знала, что вы работаете в режимном учреждении? Рассказывали, чем мы занимаемся? Вы уверены в этом? А мы, например, не уверены. Вас даже в комсомол не хотели принимать. Вам уже было четырнадцать лет, а вы не знали, например, какую должность занимал тогда в нашей стране товарищ Подгорный. Расплакались, вот вас и пожалели. Потому что школьники, неопытные еще комсомольцы. А вы теперь в партию. Не знаем, не знаем... В партию вас... Конечно, нам надо укреплять ряды образованной инициативной молодежи. Но следует все взвесить. В партию вас или правильней на скамью подсудимых... Вот такой может получиться разговор. А если, к примеру, туда, в это ведомство, кто-то кляузу на меня написал, оговорил? У них в парткоме наверняка есть копия. Если сейчас нет, то для комиссии кто-нибудь, какой-нибудь доброхот непременно разыщет и принесет.

Михаил Арзамасович – хороший человек, он, конечно, добра мне желает. Но только вместо защиты все может наоборот получиться. Похоже, КГБ еще не заинтересовался мной. А тут непременно подключат. Сын цеховика, моральное разложение. Кто рекомендовал, Сокол? – Сокола многие не любят. Отчество подозрительное.

И потом неизвестно, что там это ведомство накопило против меня. Подальше мне надо держаться от сомнительных мероприятий, поменьше светиться. Мероприятие оно, конечно, достойное. Вон и Полупанов за рюмочкой намекал мне. И на будущее пригодилось бы. Но не момент.

– Знаете что, Михаил Арзамасович... Я очень вам благодарен за такое предложение. Для меня это большая честь. Но ведь и ответственность. И соответствовать тоже надо. Не уверен, что готов. Все-таки стать членом Компартии Советского Союза... Боюсь, что рано мне. Не дорос еще. Не смогу соответствовать высоким эталонам. Какие мои годы? Думаю, у меня все впереди. А пока... Мне кажется, не потяну. Плохо изучал труды Энгельса, Владимира Ильича. Вопросы языкознания – хотя у Иосифа Виссарионовича и были перегибы, связанные с культом личности, а все-таки он классик, труды его надо знать, да и победа в Великой Отечественной – разве она без Сталина состоялась бы? Нет, я пока не готов. Просто подведу вас. Вы за меня поручитесь, а я вас подведу. Давайте поговорим об этом в другой раз. Через пару лет.

– Ну, как знаете, Борис Илларионович. Я посчитал, что это может помочь. Помочь в ваших проблемах. Но вам виднее. Мое дело предложить.

«Правильно я решил. Лезть прямо в пасть к дьяволу. Тише себя ведешь – лучше спишь, – подумал Борис. – Надо отвлечься. Займусь работой. У меня дел невпроворот».

Пошел в первый отдел, взял тетрадь для секретной работы – почему, интересно, для такой важной работы используют столь ужасную бумагу с грубой, топорной горизонтальной разлиновкой? На такой бумаге пишешь не то что с удовольствием, скорее – с отвращением. Бытие определяет сознание. Ленин, между прочим. Может, и Сталин. Никак уж не Хрущев. И не Брежнев. От них слова путного не дождешься. Не способны. На кабана ходить или туфлей стучать по трибуне ООН – это пожалуйста. Дешевые лицедеи!

Борис стал описывать свой телеметрический прибор. Простейшее устройство, конечно, – обычная релюшка, оповещающая, дающая сигнал на командный пункт о том, что включился главный двигатель. Все зависит, как подать.

Начнем с названия. «Система телеметрического оповещения и индикации события, связанного с включением главного двигателя, и определение момента выхода режима двигателя на уровень рабочих оборотов». Далее разделы. Обо всем объекте, являющемся субъектом телеметрического наблюдения. Задачи и цели телеметрической системы. О повышении тактико-технических характеристик объекта, оснащенного телеметрией. Состав телеметрической системы, ее связь с основными подсистемами объекта. Выбор компонентов телеметрии по критериям надежности, стоимости, удобства регулировки и монтажа, а также по возможности импортозамещения. Выбор параметров и маркировки соединительных проводов. Выбор расположения и цвета лампочки индикации на КП. Программа подготовки и обучения личного состава, занимающегося эксплуатацией телеметрии. Логика восприятия сигналов индикации, «защита от дурака». Инструкция по эксплуатации. Да, неплохо получилось. Довольно солидно, между прочим.

Рабочий день заканчивался. КГ положил тетрадь с бесценными записями в специальный портфель, специальной печатью сделал пластилиновый оттиск на замке портфеля и отнес все это в первый отдел. Там долго рассматривали оттиск, вскрыли портфель. Зачем вскрывать портфель? – раньше ничего такого не было. Огромная апоплексичного вида дама с багровыми щеками долго перелистывала записи в тетради, время от времени поглядывая на пластырь, закрывающий часть лба над виском КГ.

– Не согласились бы вы стать нашим секретным сотрудником? – наконец произнесла она, но в ее голосе не чувствовалось уверенности.

Борису не понравился этот разговор. «Что сегодня за день такой? С самого начала все пошло наперекосяк».

– У меня уже есть работа, и она мне нравится, – ответил он, сделав вид, что не понимает, о чем идет речь.

– Ваша работа останется. Вы просто будете сообщать нам, если в отделе будет что-нибудь не так.

– В каком смысле не так? У нас в отделе все очень даже так. Мы работаем над важнейшими правительственными программами и делаем все возможное для укрепления обороноспособности нашей Родины.

– Ну, если какие-то будут разговоры не такие. Вот вы иногда ходите с товарищем Полупановым в рюмочную. Может, он за рюмкой водки что-то не так скажет о политике партии и правительства. Или эти молодые специалисты Реликтер и Рецепттер.

– Реликтов и Рецептов, – поправил Борис.

– Ну, все равно, – дама нежно улыбнулась, улыбка у нее была совершенно обворожительная. Она словно говорила КГ: «Пусть будет так, вы многого еще не знаете, молодой человек». – Может, эти двое что-нибудь не так. Или, например, аморальное поведение.

– Могу сказать вам с полным удовлетворением, что у нас в отделе работают очень даже моральные люди. И все как один поддерживают политику партии и правительства. Но если я что-нибудь узнаю такое, вы не беспокойтесь, я непременно сообщу вам. И притом в письменном виде.

– Так вы отказываетесь быть нашим секретным сотрудником?

– Вы меня неправильно поняли. Мне совсем не нужно быть чьим-то сотрудником. Я и так готов вам помогать во всем. Это мой долг. Выявлять случаи нарушения социалистической законности и своевременно сообщать об этом компетентным органам.

– Напрасно вы отказываетесь. Это помогло бы вам в некоторых делах. Вы понимаете, что я имею в виду? Необязательно помогло бы. Но могло бы и помочь.

«Откуда они всё знают? Хотя эти-то и должны всё знать», – подумал Борис, но вслух произнес совсем другое:

– Не очень понял, что вы имеете в виду. Но тем не менее огромное вам спасибо. Как же я вам благодарен за ваши добрые намерения! Если будет необходимость, непременно воспользуюсь вашей помощью. А пока подпишите, пожалуйста, в реестре, что я сдал вам секретные документы в надлежащем виде и в надлежащем образом запечатанном портфеле.

Борис подумал о том, что в его квартире и в квартире мадам Гаулейтер после визита незваных гостей остался полный раскардаш. И если привести поскорей эти помещения в порядок, то следы утренних событий исчезнут и жизнь сама собой пойдет по-прежнему, все забудется, будто сегодня утром ничего такого и не случилось. Ему все время казалось, что это какая-то нелепая случайность, главное свойство которой состоит в том, что она обязательно сама собой рассосется.

Утром он планировал, что после работы непременно посетит Клару и оставит ей честно заработанные пять рублей, а может, даже и семь... Но сейчас он передумал и решил, что, пожалуй, ему следует поскорей вернуться домой.

3

Получилось так, что после посещения первого отдела на работе появились еще кое-какие дела, и КГ добрался до дома только в девятом часу.

В полутемном подъезде его дома он увидел крепкого, вихрастого молодого парня в кепке, надвинутой на глаза, и с сигаретой, словно приклеившейся к нижней губе. Стоял, широко расставив ноги и будто перегораживая вход в вестибюль. Было трудно разглядеть его лицо.

– Это что еще такое, что за явление Христа народу? Да кто вы такой, черт побери, и почему вы не даете мне пройти?

– Вы меня не узнаете, Борис Илларионович? – спросил парень, вынул сигарету изо рта, щелчком пальцев отправил ее в темноту и отошел в сторону, пропуская КГ. – А я так преотлично вас знаю. Я сын председателя кооператива.

– Председателя кооператива? Сын? – задумчиво сказал КГ и постучал складным зонтиком по металлической раме входной двери.

– Может, вам нужна какая-то помощь? Хотите, я сбегаю, позову отца?

– Мне, помощь вашего отца, – вы смеетесь надо мной? – с издевкой спросил Борис. В интонациях его голоса звучало: «Вы сами-то хоть понимаете, сколько бед натворили?» – Нет, нет, мне ничего не надо – милостиво добавил он. Это звучало так: «Вы тут изрядно набедокурили, но тем не менее я вас прощаю».

Борис быстро прошел в вестибюль, но, прежде чем подойти к лифту, резко повернулся на каблуках и еще раз внимательно посмотрел на парня.

«Вот как с ними надо. Держать в руках и не давать слабину. Если буду в форме, ничего подобного тому, что случилось со мной сегодня утром, больше уже не произойдет».

Он мог, конечно, пройти сразу к себе, но так как ему надо было непременно поговорить с Евдокией Прокопьевной, вначале прошел к ней в колясочную. В помещении, которое мадам Гаулейтер превратила в свое жилье, все было аккуратно прибрано. Видимо, она уже закончила со своими обязательными делами – весь день строго следила, чтобы никто лишний в дом не входил, дала очередной нагоняй всем работникам кооператива – и дворнику, и бухгалтеру, и электрику, и даже самому председателю. И теперь, преисполнившись сознанием выполненного долга, решила отдаться личным делам. Ее излюбленным занятием – можно было бы даже сказать «хобби», но товарищ вахтер была женщиной простой и не знала такого мудреного слова – было вязание носков, шарфиков и шапочек. Покупала впрок много шерсти, вязала под аккомпанемент старенького черно-белого телевизора, а потом с удовольствием раздаривала свои изделия родственникам, жильцам дома, просто случайным знакомым. Вот и теперь мадам Гаулейтер сидела с носком из грубой шерсти в руках, который она вязала, как и положено, на четырех спицах. А на столе рядом лежало полтора десятка готовых вязаных изделий разных цветов.

Борис рассеянно извинился за столь позднее вторжение. Евдокия Прокопьевна была весьма приветлива, никаких извинений не принимала. Сказала, что Борис Илларионович может заходить к ней в любое время, когда захочет, она всегда рада ему, потому что он самый любимый ее жилец в этом доме. Она с удовольствием может делать ему завтраки и приносить утром прямо в его квартиру, если он пожелает. Постирать и погладить его рубашки, а не носить их, как он это делает, к какой-то незнакомой женщине на стороне. Потому что она-то как раз всегда рядом. А еще потому что женские руки – это совсем не то же самое, что мужские. И она всегда сделает для него гораздо лучше, чем он может сделать это сам. Не хочет ли Борис Илларионович чаю? У нее есть ватрушки с клубничным вареньем, все домашнего приготовления, очень вкусные. «Или, может, стаканчик горячего молока для согрева? – погода сегодня

промогзлая и сырая. Посмотрите мои шапочки. Если что-то понравится, подарю вам для прогулок в холодную погоду. Тем более, я смотрю, у вас вавка на голове».

Борис сел за стол, но отказался от угощения и от шапочки – сказал, что в другой раз обязательно воспользуется ее гостеприимством. Перебирая руками вязанные вещи, он спросил как можно более безразличным голосом:

– Сегодня я доставил вам немало лишних хлопот, не так ли?

– Скажите на милость, чем же это вы меня обременили? – ответила она, внезапно оживившись и положив на колени спицы с незаконченным носком.

– Ну как же, как же... Я имею в виду тех людей, которые так бесцеремонно вломились в наш дом сегодня утром. В комнате Марины они перевернули все вверх дном.

– Ах, вы вот о чем. Да нет, никаких особых хлопот для меня тут не было. Мало ли кто к кому приходит, дело житейское, – сказала она спокойно и снова принялась за носок.

«Наверное, ей не очень понравилось то, что я заговорил об этом. Тем более важно, что я откровенно высказал ей все, что думаю об этом. Только с таким очень пожилым человеком и можно все по-настоящему откровенно обсудить».

– Вы просто очень скромный человек. Так взять и сказать – никаких хлопот. Ничего себе, никаких хлопот. Эти товарищи весь дом переполошили. Да что весь дом! Жильцы соседнего дома тоже были весьма обеспокоены. Я же видел это. И в комнате Марины надо все приводить в порядок. Но я вам обещаю, больше ничего подобного не случится.

– Вы абсолютно правы, ничего подобного больше случиться не может, – сказала Евдокия Прокопьевна и с грустной улыбкой взглянула на КГ.

– Неужели вы серьезно так думаете? А почему, позвольте полюбопытствовать?

– Поверьте мне, именно так я и думаю, – совсем тихо ответила она. – Но главное, конечно, не в этом. Вам, Борис Илларионович, совсем нет необходимости так огорчаться и расстраиваться. Все проходит, в жизни всякое бывает. Послушаешь людей, и не такое случается. Вы всегда были добры ко мне, и поэтому я хочу вам признаться кое в чем. Я подслушивала под дверь. А потом мне мальчики из охраны кое-что сказали. Я, конечно, глупая деревенская женщина, но, поверьте, очень все-таки за вас переживаю. Может, это вас и обидит – кто я такая, чтобы за вас переживать? – просто вахтерша в доме. Тогда простите Христа ради. У нас теперича не принято переживать друг за друга. Все говорят, и по телевизору тоже, что главное – это работа, выполнение плана, главное – блюсти социалистическую законность. Не знаю, как это все можно без души делать. Наверное, я совсем отстала от вашего времени. Пора мне уже сложить руки и в гроб ложиться.

Но я вам все-таки скажу, что я кое-что слышала. И вы не должны думать, что ваши дела очень плохи. Вы, конечно, арестованы. И отметка вам на лбу. Но, вот ведь какая незадача, вас арестовали совсем не так, как какого-нибудь вора, бандита или, прости Господи, врага народа. Вас арестовали как-то неконкретно, как в сказке, что ли, или в какой народной песне. Вроде арестовали, а вроде вы и свободны. Можете у меня сидеть, можете поехать к вашей матушке и сестре, а можете и Кларочку свою навестить, если захотите. Так что ваш арест вроде он даже и не арест. Вы уж меня простите, если старая женщина глупостей вам наговорила. Что я понимаю в сегодняшней жизни? А по мне – все это ерунда собачья. И понимать тут совсем нечего даже. В этом аресте есть только слово одно – «арест», а ничего такого нет вообще. Простите меня, если я глупости какие сказала.

– Совсе это не глупости, Евдокия Прокопьевна. Я с вами согласен частично. Вы говорите, что есть слово «арест». А по мне, и слова такого нет. Чушь и полная ерунда. Я просто попал впросак спросонья. Если бы я не стал готовить себе завтрак, а сразу пошел бы к вам, чтобы позавтракать, к примеру, у вас, как вы и предлагали мне сейчас и до этого тоже предлагали, что было бы мне менее хлопотно и гораздо удобнее. А потом попросил бы вас сходить ко мне

за одеждой и прямо от вас пошел бы на работу. Тогда никакой этой глупости не произошло бы. Мы бы ничего о таком и не узнали бы.

Вот, к примеру, я на работе всегда и ко всему готов. У меня есть подчиненные, которых я могу вызвать к себе в любой момент. В конце концов, позвонить на охрану. В моем кабинете три телефона: городской, местный и диспетчерский. По диспетчерскому мне может в любой момент позвонить начальник отдела и даже сам генеральный директор объединения. А это ого-го какая шишка. Он, между прочим, член бюро обкома. Я тоже могу набрать начальника отдела. А если потребуется, если будет такая необходимость, надеюсь, вы понимаете... Ко мне постоянно приходят и уходят люди, сообщают, обсуждают, приносят документы. Я всегда начеку, отдаю себе полный отчет в происходящем. Так что там такая история доставила бы мне полное удовольствие. Да она и не могла бы там произойти. Как эти люди прошли бы через проходную «Базальта»? Они ведь не предъявили никаких документов. У них, может, и нет никаких документов. Ну, ничего. Все закончилось. Откровенно говоря, я совсем не хотел об этом с вами говорить. Просто мне интересно узнать ваше мнение, мнение женщины, прожившей большую жизнь, вы – настоящее воплощение опыта и мудрости нашего народа. Мы всегда ищем опору в народе, который выстрадал и перенес на своих плечах все муки и испытания родной земли. И раз уж у нас такое единодушие, давайте скрепим его дружеским рукопожатием.

КГ встал, протянул руку и посмотрел на женщину долгим испытующим взглядом. Мадам Гаулейтер тоже встала. Она была очень смущена – главным образом из-за того, что она почти ничего не поняла из того, что Борис ей сказал.

– Главное, вы уж не переживайте так, не убивайтесь, Борис Илларионович, – сказала она, и в ее голосе звучали слезы. Сказала очень прочувствованно, но почему-то забыла пожать его руку.

– Я и не переживаю. Вроде бы так.

Борис внезапно почувствовал, как на него навалились усталость и разочарование – с какой стати, разве ему нужно сочувствие этой недалекой женщины? – не нужно, совсем не нужно, с какой стороны ни посмотри.

Перед уходом он спросил:

– Вы не знаете, Марина Толоконникова дома?

– Нет ее, – резко ответила Евдокия Прокопьевна. После некоторой паузы последовала запоздавшая вымученная улыбка, мадам Гаулейтер попыталась сгладить свой резкий тон:

– Она в конторе и приходит довольно поздно. Почему вы спрашиваете, может, ей что-то передать?

– Да нет, я хотел сказать ей несколько слов.

– Но она поздно приходит, уж не знаю, чем я могу вам помочь.

– Это неважно, – сказал КГ, грустно опустив голову. – Я просто хотел извиниться перед ней за то, что эти люди набедокурили в ее комнате.

– Да что вы, что вы. Не за что вам извиняться. Я все прибрала и все поставила на свои места. Она придет в свою комнату и ничего не заметит, будто ничего и не было. Потому что там полный порядок. Зачем ей говорить? – не стоит зря беспокоить девушку. Тем более что она придет усталая после работы. Если не верите – пойдемте, посмотрите сами.

– Да что вы. Я вам полностью доверяю.

Тем не менее они с Евдокией Прокопьевной поднялись на седьмой этаж. Мадам Гаулейтер открыла дверь своей квартиры и провела Бориса в комнату Марины. Он осмотрел комнату, все было на своих местах. Распялочка с кремовой блузкой по-прежнему висела на ручке окна. Тут он заметил, что тахта в ее комнате была заметно выше его тахты – видимо, из-за высокой перины и пухлого одеяла.

– Девушка частенько приходит домой очень поздно, это нехорошо, вы не находите, уважаемая Евдокия Прокопьевна? – раздраженно произнес Борис и внимательно посмотрел в глаза вахтерши.

– Молодежь, что поделаешь. Весна. Разве это моя вина?

– Но это может зайти далеко, слишком далеко. И кое-кто может этим заинтересоваться.

– По существу вы правы. Возможно, вы правы и в данном конкретном случае, товарищ Кулагин. Марина Толоконникова – очень хорошая, чистенькая девушка. Трудолюбивая, приветливая, очень аккуратная. И рассчитывается за жилье всегда вовремя. Я это очень ценю. Но, вы справедливо сказали, ей надо бы побольше девичьей гордости, побольше женской сдержанности. Терпеть не могу сплетни. Но я уже не раз за последнее время встречала ее в глухих переулках. Зачем ей появляться в сомнительных местах? Да еще каждый раз с разными кавалерами. Если бы вы только знали, как мне все это неприятно. У меня, честно говоря, есть и другие подозрения. Надо бы посмотреть ее паспорт. То она Марина, то Мариула, кто она такая на самом деле? Она ведь в закрытой конторе работает и должна понимать... Вы первый человек, с которым я говорю об этом. Но, наверное, вы правы, придется мне серьезно поговорить с девушкой об этом напрямую и призвать, если чего...

– Зачем вы коверкаете и выворачиваете наизнанку мои слова? – сердито произнес Борис. – Ничего такого я о Марине Толоконниковой не говорил. Я очень хорошо ее знаю, и все ваши слова о ней – чистая неправда. Скажите, зачем вам так хочется опорочить эту скромную трудолюбивую девушку? Если хотите послушать моего совета, искренне рекомендую вам ни о чем таком с Мариной не говорить. Хотя кто я такой, чтобы советовать вам и вмешиваться в ваши дела с квартиранткой? Говорите ей все, что сочтете необходимым. Только вначале задайте себе вопрос – почему я, Евдокия Прокопьевна, не оформила надлежащим образом договор сдачи внаем этой комнаты? И кстати, на каком основании вы используете колясочную как свое личное жилое помещение? Хотя и это тоже меня не касается, никак не касается. Спокойной ночи, – с этими словами он открыл дверь своей квартиры.

– Товарищ Кулагин, я вас умоляю, – закричала мадам Гаулейтер и подбежала к его квартире, взялась двумя руками за ручку, чтобы он не успел закрыть дверь. – Я вовсе не собираюсь именно сейчас с ней разговаривать, с Мариной Толоконниковой. Следует еще понаблюдать за ней, ведь я только вам рассказала о том, что знаю. Есть еще соображения. Но больше никто не знает. Вы тоже должны меня понять. Мы все, жильцы кооператива, хотели бы, чтобы в нашем доме были чистота и порядок. И, поскольку я вахтер, я только к этому и стремлюсь.

– Ах, вам нужны чистота и порядок? Если так, то вам перед правлением в первую очередь следует поставить вопрос об исключении именно меня из кооператива. Никакой чистоты в моей квартире нет. Ко мне ходят девушки сомнительного поведения и всякие липовые инспекторы, которые сами не знают, что им надо. Меня первого, вы поняли? – крикнул он не оборачиваясь и захлопнул дверь своей квартиры. Послышался робкий стук, потом еще раз, но он не обратил на это никакого внимания.

Спать не хотелось. КГ решил дожидаться Марину. Он приоткрыл входную дверь, чтобы услышать, когда Марина вернется домой и подойдет к своей двери.

Прилег на тахту и закурил. Надо бы наказать притворщицу мадам Гаулейтер. Ишь, сочувствует ему, а руку ведь не подала.

Себе посочувствуйте, Евдокия Прокопьевна. Себя пожалейте, о себе плакать надо. Заявлять на нее в органы он, конечно, не будет. Это низко. И даже подло. А вот уговорить Марину, чтобы она уехала от Евдокии Прокопьевны, – это было бы неплохо. Пусть ногти кусает. Такая добрая душа – вот вам чай с вареньем, вот вам шапочка. Не надо мне вашей доброты. Может, мне самому съехать отсюда? Обменять квартиру и переехать. Покинуть эту квартиру после нелепых утренних событий. Да нет, абсолютно бездарная, совершенно бессмысленная идея.

Он мотался по комнате, курил, несколько раз выходил в прихожую, как бы пытаясь ускорить приход своей соседки. Нельзя сказать, что он очень хотел ее увидеть. Он даже не помнил толком, как она выглядит. Но поговорить уж всяко требовалось. Конец дня получился беспокойный, впрочем, как и весь этот день, с самого начала все пошло наперекосяк. Уже одиннадцать. Он не поужинал и не пошел к Кларе, хотя после работы ему очень хотелось навестить ее и утешить. Все-таки из-за него к ней приставали эти наглые стражники. Конечно, еще можно сходить в какой-нибудь уютный ресторанчик или кафе в центре. До 12 часов можно найти симпатичное местечко. Как-никак сегодня его день рождения. А потом можно и Клару навестить. Он так и решил сделать. Поговорит с Толоконниковой и пойдет в ресторан или кафешку, у него еще будет время для этого.

Около половины двенадцатого послышались чьи-то шаги в коридоре рядом с квартирой соседки, кто-то звякнул ключами. Наверное, это Марина. Еще несколько секунд, и она войдет к себе, закроет дверь, и тогда в этот ночной час доступа к ней уже не будет. А если он внезапно выскочит из своей квартиры, это может испугать девушку. Очень напугать. Что делать? Сердце стучало... Я теряю ее, а мне надо поговорить сейчас и без всякого промедления.

– Мариночка, это вы? – его неожиданный крик прозвучал как мольба о помощи.

– Кто это? – спросила Марина, испуганно оглядываясь по сторонам.

КГ вышел к ней:

– Это я, товарищ Толоконникова.

– А, это вы, Борис Илларионович. Рада видеть вас, добрый вечер, – и она протянула ему руку.

«Очень нежная рука. Она, однако, весьма недурна собой», – подумал КГ, наблюдая, как Марина открывает свою дверь, зябко кутая худенькие плечи в шелковую шаль.

– Я хотел бы иметь возможность обменяться с вами несколькими словами.

– Сейчас, именно сейчас? Вы не находите это странным?

– Я жду вас с девяти часов.

– Но я была на службе. Это моя обязанность. Мой патрон обычно поздно задерживается, а я – секретарь и должна быть при нем. И потом мы с вами не договаривались, вы меня ни о чем таком не предупреждали.

– Вы правы, конечно. Но повод для нашего разговора, первоначальная причина, так сказать, появился только сегодня. И вас уже не было дома.

– Ах, вот как! Даже интересно. Пожалуй, вы меня заинтриговали. В сущности, у меня нет возражений. Но только я ужасно устала, просто валяюсь с ног от усталости. Зайдите на минуту. Постоите в прихожей. Только мы не сможем здесь разговаривать. Всех перебудим, здесь во второй комнате есть жилец, племянник Евдокии Прокопьевны. А может, и двоюродный брат. Мне, конечно, все равно, если кого побеспокоим. Просто неловко за нас самих. Подождите, я зайду в свою комнату, зажгу свет, а в прихожей мы свет выключим. Заходите ко мне, – шепотом позвала она. – Вот так. Здесь у меня мы можем, наконец, поговорить. Садитесь.

Она усадила его на стул, на котором утром сидел инспектор. А сама осталась стоять у тахты, красиво скрестив стройные ноги. И даже не сняла вуалевую косынку с головы. «Зачем же она осталась стоять у тахты и не села, если она так устала?»

– Так о чем вы хотели поговорить так внезапно? Я вся в нетерпении. Может, вы влюбились в меня столь неожиданно? Думаю, что вряд ли, мы с вами толком и не видели-то друг друга до сегодняшнего дня.

– Возможно, вы опять скажете, что я зря вас побеспокоил, что это за обсуждения в такое позднее время, разве это так срочно?

– Ах, эти ваши бесконечные вступления, предисловия, расшаркивания... Вы не можете сразу приступить к сути дела?

– Ну что же, спасибо, вы существенно упростили мою задачу. Сегодня утром некие люди прошли безответственно в вашу комнату, самоуправничали и привели все в полный беспорядок. Переставляли вещи. И все это происходило по моей вине. В связи с вышеизложенным я нижайше прошу простить меня. Тем более что эти безответственные люди вторглись к вам по собственной инициативе и с помощью Евдокии Прокопьевны.

– Вторглись в мою комнату? Но в чем же причина, почему вы молчите о самом интересном? Вы сумели заинтриговать меня. Скажите же скорее, что здесь произошло. И не по этой ли причине у вас на лбу наклейка – следы боевых сражений?

– Ах, милая, милая, не знаю, как к вам обращаться – не товарищ же Толоконникова, – можно я буду называть вас просто Мариночкой? Все это так несущественно, и зачем вам забивать этой ерундой свою хорошенькую головку?

– Тайны, тайны, какой вы, однако, таинственный. Вообще-то таинственной пристало быть женщине. Таинственной, а еще лучше – роковой. Ну, раз вы хотите остаться таинственным, оставляю за вами эту прерогативу. Пусть это будет ваша тайна. А может быть, наша с вами тайна? В любом случае, коли вы просите прощения, охотно вас прощаю, тем более что, мне кажется, все вещи у меня стоят на тех же самых местах, что и раньше. Вон и блузка висит.

Смотрите-ка, все фотографии разбросаны. Мне вообще не нравится, что кто-то без спроса рассматривал мои фотографии, тем более что на многих из них я запечатлена в довольно-таки обнаженном виде. Мне все же странно выговаривать вам, взрослому состоявшемуся человеку, и объяснять вам, что нельзя делать то, что вы на самом деле должны были сами запретить себе. Как вам вообще могла прийти в голову мысль проникнуть самовольно в мою комнату в мое отсутствие?

– Я уже объяснял вам, товарищ Толоконникова, что эти фотографии разбросал не я. Это сделали Реликтов с Рецептвым, которых в комиссию ввел инспектор. Оба они из того отдела, в котором я сейчас работаю. Такие неприятные, суетливые и бесцеремонные типы. Надо от них избавиться. Поверьте, у меня достаточно полномочий и влияния, я все сделаю, чтобы их выгнали из отдела. И не только из отдела, но и из нашей продвинутой, высокотехнологичной конторы «Базальт», возможно, вы что-то слышали о нашем предприятии.

– Зачем вы мне рассказываете о каких-то неизвестных мне людях, которые, как вы сами сказали, появились здесь из-за вас? Хорошо хоть, что вы не распространяетесь о каком-то неизвестном и совершенно мне не интересном инспекторе.

– Кроме инспектора здесь были еще двое охранников. Они сидели на том сундуке в прихожей. Это была целая комиссия.

– Вы мне совсем заморочили голову. Только взгляните на то, что вы вместе с ними наделали, – сказала Марина и внимательно посмотрела в глаза КГ.

Борису показалось, что на мгновение ее рот раскрылся, клыки удлинились, зрачки расширились, заняли и поглотили всю ее комнату, и Борис полетел в какой-то бездонный туннель. Подступила дурнота. Но это было только одно мгновение.

«Показалось. Теряю контроль над собой, – подумал КГ. – Я устал, переволновался сегодня».

– Что вы наделали, что вы наделали, – повторяла Марина. – Вы чуть было все не испортили.

Она сняла кусок материи со стены, положила на стол и стала раскладывать фотографии на черной ткани, прикалывать их булавками, перекрывая одной фотографией ненужную, по ее мнению, часть другой.

– Вот как это должно выглядеть, – сказала она через некоторое время, с гордостью осматривая получившуюся композицию. Непонятно, как она смогла это сделать, но теперь с этой фотокomпозиции на Бориса смотрели только глаза крупным планом, одни только огромные

глаза товарищ Толоконниковой с большими расширенными зрачками. Глаза множились и расширялись. Сто пар глаз. Страшновато.

– Вот теперь все в порядке. В порядке. Закон, порядок, справедливость всегда торжествуют. Вы не задавались вопросом, почему я – то Мариула, то Марина?

– Честно говоря, нет. Я думал, это почти одно и то же.

– Да помолчите вы, вечно куда-то торопитесь. Не прерывайте меня и послушайте. Может, у вас не будет больше возможности еще раз встретиться со мной. До поры до времени.

– Почему это, интересно?

– Потому что имя мое – Шахат, и символ Шахат – тысяча глаз. Вот вы и узнали... Только не говорите об этом никому. И, конечно же, – этой глупой мадам Гаулейтер, ведь вы так ее называете? Пока не понимаете, потом поймете. Когда встретитесь со мной снова, тогда и поймете, что это означает.

«Шахат, Шахат, это что, шутка такая? Нет такого русского имени».

– «Шах и мат», «Шахимат» – вы смеетесь надо мной, шамаханская царица. Вы смеетесь надо мной. Смеетесь, потому что не верите мне. Еще раз объясняю: здесь была комиссия. Вы меня просто вынуждаете – следственная комиссия.

– Из-за кого? Может, вы сейчас скажете, что из-за вас все было? Этого просто не может быть, – сказала Марина и рассмеялась.

– Может, и очень даже может. Почему вы решили, что ко мне не приходила следственная комиссия? Может, и не следственная – комиссия из какой-нибудь судебной инстанции. Разве нашего мимолетного знакомства достаточно, чтобы вынести сколь-нибудь обоснованное суждение о том, что на мне нет никакой вины?

– Конечно, я не та самая инстанция судебного толка, которая якобы присылала к вам комиссию и зачем-то при этом рылась в моих фотографиях, поэтому и не могу иметь обоснованного суждения о вас – по большому счету, малознакомом мне человеке. Но, с другой стороны, присылать следственную комиссию домой, без предупреждения вскрывать и занимать комнату молодой девушки, совершенно непричастной к каким-то вашим неизвестным мне поступкам, рыться в моих фотографиях, нарушать фотокомпозицию, мистичность которой может повлиять на все мироздание...

«Ишь, как она расстроилась из-за своих фотографий. Не понимаю, из-за чего такой переполох, правда, ножки у нее на пляжных фотографиях очень даже ничего. И в жизни, похоже, тоже. А она теперь все закрыла. Остались только глаза. Глаза, правда, тоже довольно завлекательные», – подумал КГ, а Марина между тем продолжала:

– Все это можно было бы сделать из-за какого-то особо тяжкого преступника, которого следовало бы немедленно арестовать. А вы на свободе. И, судя по вашей опрятной одежде и душевному спокойствию, вряд ли можно предположить, что вы только что бежали из тюрьмы. Так что никаких преступлений вы, конечно, не совершали. Тем более – тяжких. Да и характера бы у вас на это не хватило.

– Насчет характера я с вами частично согласен. Но зачем вы говорите о комиссии против очевидности – комиссия все-таки была. А что если она пришла и, поговорив со мной, сделала вывод о моей невиновности? Или, например, о виновности, но совсем не в той степени, в которой это вначале предполагалось?

– Что же, это вполне возможно, – задумчиво сказала Марина. – Тем более зачем тогда надо было нарушать чудесную космогонию моей фотокомпозиции? А с другой стороны, почему у вас над виском эта наклейка, это как-то связано с комиссией? Может быть, вас ударили?

КГ пропустил мимо ушей последнее замечание о наклейке.

– Вот видите, не похоже на то, что вы хорошо ориентируетесь в судебных процедурах, – сказал КГ, стараясь не обращать внимания на то, что девушка постоянно возвращается к своей

фотокомпозиции. «Она же все восстановила, стоит ли так долго сокрушаться из-за этого? Достала она меня своей мнимой космогонией». – А между тем вы, должно быть, слышали, что существует отдельный «Уголовно-процессуальный кодекс», целый раздел советской юриспруденции, которая, как вы знаете, является самой передовой юриспруденцией в мире, – продолжил Борис.

– Мы все так часто сталкиваемся со всякими смертельно опасными коллизиями, и при этом я совершенно не разбираюсь в судебных делах. Поверьте, это очень и очень меня интересует. Закон, суд, правосудие – это ведь страшно увлекательное дело, как вы думаете? Но я надеюсь, что мне удастся пополнить свой багаж знаний в этом столь важном для общества вопросе. На следующей неделе я перехожу на работу секретарем-машинисткой в адвокатское бюро. И уже знаю адвоката, с которым буду работать.

– Не может быть, как интересно. Ну тогда, милая девушка, вы мне сможете помочь в моем деле, процессе, следствии, уж не знаю даже в чем. Дело мелкое, не вижу причин для привлечения профессионального юриста. А вот советчик, да еще такой очаровательный, как вы, мне бы не помешал.

– Почему бы и нет, почему бы и не применить свои знания на практике? Пока их нет, но ведь они будут. Только вы все это несерьезно, вы просто подшучиваете надо мной.

– Как это шучу, с чего вы взяли?

– Что я смогу вам посоветовать, если я и дела-то вашего не знаю. О чем там речь идет в вашем деле или в процессе, как вы изволили выразиться?

– Вы будете смеяться. Или сочтете, что я не в своем уме. Или немного того. Но я ведь тоже не знаю, в чем там дело.

– Послушайте, товарищ Кулагин. Как вам не стыдно? Вы меня глубоко разочаровали. Тоже нашли подходящее время для ваших розыгрышей. Я же вам сказала, что очень-очень устала. Это, знаете ли, не смешно. Совсем не смешно. – Марина отошла от КГ и повернулась к окну.

– Что вы такое говорите, как вы вообще могли подумать такое? Просто это кажется, будто какая-то ерунда случилась. Приходила целая комиссия. Людей взяли с моей работы – этих двоих малахольных Реликтова и Рецептова. Для чего приходили – неясно. Сказали, что меня арестовали. И ушли. А я вроде на свободе. И вот эту штуку мне наклеили. Вернее, они наклеили другую штуку. И сняли. Но получилось так, что мне самому пришлось наклеить эту штуку над виском. Чтобы никто не узнал, что мне наклеили ту штуку, которую потом сняли.

Марина опустилась на диван и засмеялась:

– Слушаю вас и удивляюсь, какой вы все-таки забавный.

Она погрузила локоть и одно плечо в подушку, одну ногу подняла на постель, и часть ноги у нее оголилась. «Какая красивая щиколотка, да и вся она... Глаз не отвести».

– Так как все-таки это все было?

– Нелепо, гротескно и абсолютно безвкусно. Как плохой театр.

– Это мне ни о чем не говорит. Может, закончим уже эту тему, я так устала.

– Да, я понимаю, вы пришли поздно.

– Опять вы меня в чем-то упрекаете. Поделом мне. Не надо было впускать вас в мою комнату. Вы уже дважды ворвались ко мне. Сегодня утром. И сейчас – хотя уже почти ночь. Откуда вы взяли на мою голову? Главное, что во всем этом не было никакой необходимости.

– Нет, было. Было. Как же не было?

КГ чувствовал, что он должен сейчас обязательно что-то сделать, чтобы только не покидать комнату товарищ Толоконниковой. Он стал переставлять столик, показывать, кто где сидел, где находился он сам в этот момент.

– И теперь начинается самое интересное. Инспектор зовет меня, но не просто говорит и не просто кричит, а будто он вызывает меня к новой жизни. Вам не представить себе этой нелепой ситуации, и поэтому я должен закричать в точности так, как это сделал инспектор.

Марина рассмеялась – «все-таки я сумел ее немного растормошить» – и приложила палец к губам. Поздно! КГ уже несло, и он прокричал – грубо и протяжно:

– Борис Кула-а-а-гин!

За стеной в соседней комнате постучали – громко и настойчиво. Марина испугалась, схватилась за сердце, КГ тоже вначале немного испугался. Потом заставил себя успокоиться, бросился к Марине, прижал ее руку к себе и страстно прошептал:

– Ничего не бойтесь, моя дорогая. Я все беру на себя. Но кто там, в этой комнате? Там ведь никого не должно быть. И быть не должно, и никто не должен там спать.

– Как это никто? – прошептала Марина прямо ему в ухо, и он почувствовал тепло ее губ и дыхания. – Я вам уже говорила, когда мы сюда заходили, – почему вы никогда не слушаете, что вам говорят? Там уже три дня как остановился родственник Евдокии Прокопьевны. Он, между прочим, лейтенант КГБ. Редько Петр Кононович, он, кстати, из казаков. А я совсем забыла о нем. Ну скажите на милость, что это вам так приспичило кричать что было мочи? Я в отчаянии.

– Прошу вас, не придавайте этому слишком большого значения. Я ведь не распространяюсь относительно своего ареста. Хотя это очень необычный арест, и он носит скорее виртуальный характер; боюсь, что вам незнакомо это важное слово из лексикона продвинутой интеллигенции.

Марина не знала, что ему ответить, она откинулась на подушки, совершенно обессилив. Борис вплотную придвинулся к ней, осыпая поцелуями ее лоб, лицо и шею.

– Да что же вы делаете? Как вы можете? Уходите немедленно, если вы меня хоть чуть-чуть уважаете. Он же подслушивает, он все слышит. Вы же не понимаете, кто он такой. Ах, я уже совсем без сил! И все из-за вас.

– Нет, нет, мы говорим совсем тихо, он ничего не услышит. Я не уйду, пока не буду решительно убежден, что вы окончательно успокоились.

Он продолжал целовать ее шею, потом плечи, грудь. Она покорно позволила ему расстегнуть свою кофточку.

– Здесь нет ничего предосудительного, – говорил он, задыхаясь. – В этом вопросе главную роль играет мадам Гаулейтер. Она обожает меня. Обещаю, у вас не будет никаких неприятностей.

Он посмотрел на ее волосы, стянутые наверх тугим узлом. Попытался снять с ее головы вуалевую косынку, Марина пробормотала:

– Нет, нет, не трогайте, я хочу чувствовать себя немного невестой, не Христовой, конечно, но и не вашей тоже.

– Какой у вас красивый лоб, какие нежные губы...

Она ответила ему, не меняя позы:

– Я просто испугалась, потому что стук был внезапным и раздался совсем рядом. И я очень благодарна вам за то, что вы готовы заступиться за меня. Но не могу принять вашего заступничества. Не сомневаюсь в ваших добрых намерениях, но я, знаете ли, сама несу ответственность за все, что происходит в моей комнате. Вы просили меня уделить вам несколько минут, а прошло уже полчаса и даже больше. Я так устала... Нет, нет, не останавливайтесь, прошу вас, продолжайте, пожалуйста.

– Но вы на меня не сердитесь?

– Нет, нет, что вы. Я вообще ни на кого не сержусь. Продолжайте, пожалуйста. Продолжайте, пожалуйста. Неужели вы не понимаете, как это было бы сейчас некрасиво, если бы вдруг прервали... Как что? И поцелуй, и все остальное. Или вдруг вздумали немедленно уйти. Только

говорите тихо. Шепотом, как я. Я так устала... Но я не могу отказать вам в этом. Ведь вы так настойчивы. И потом во мне говорит голос сострадания. Ведь вы арестованы. И при этом так необычно и красиво – виртуально, как вы сказали. Люблю непонятные слова. И я постараюсь дать вам совет. Только не сейчас. Через несколько дней. А сейчас продолжайте, Борис Илларионович. Еще, еще... Не останавливайтесь. Я хочу, чтобы вы почувствовали дорогу в вечность. Боже мой, как я устала...

Когда все закончилось, она выскользнула из его объятий, накинула на плечи шаль, открыла дверь, вышла из комнаты и прошептала из прихожей:

– Идите сюда, милый. Видите? – и она показала на полоску света под дверью соседней комнаты. – Свет горит, и он подсматривает за нами.

КГ подбежал к ней, прильнул к ее шее и долго не отнимал губ. За дверью лейтенанта послышалось недовольное шуршанье.

– Да, да, я ухожу, – сказал КГ и хотел назвать Марину тем тайным именем, которое она ему сказала – хотел, но не мог его вспомнить.

Она, будто бы понимая, что он забыл ее настоящее имя, устало кивнула, подала руку для поцелуя так, будто это вовсе и не ее рука и все произошедшее ее вовсе не касается, и, как-то вся сжавшись и нахохлившись, ушла к себе, ничего не сказав напоследок.

Вскоре КГ уже лежал в своей постели. Он стал вспоминать, не оставил ли он впопыхах у товарищ Толоконниковой что-нибудь из своих предметов одежды. Поразмышлял о причинах своего неожиданно импульсивного поведения, не смог найти ни одного разумного объяснения, но в целом остался собой доволен. Почему он доволен собой? – это удивительно. Жаль все-таки, что не удалось унести домой обычный трофей. Но, может быть, это получится в другой раз. Правда, она сказала, что мы не увидимся. Или увидимся не скоро.

КГ встал, подошел к зеркалу. Отлепил пластырь. Пятно над виском стало совсем бледным. «Наутро пройдет», – подумал он и выбросил наклейку. Да, результаты вечернего визита к соседке носят явно позитивный характер. Тем не менее осталось легкое чувство беспокойства – не будут ли у Марины какие-то неприятности из-за этого лейтенанта из казачества? «В конце концов, я могу все взять на себя. Почему я не могу сообщить мадам Гаулейтер, что все это произошло, например, из-за того, что я к Марине приставал. А она ни в чем не виновата». Приняв такое благородное решение, КГ быстро уснул.

4

На следующее утро КГ проснулся в особенно приподнятом настроении. Он почувствовал в себе бодрости и стойкости больше, чем когда-либо раньше. Подошел к зеркалу, внимательно осмотрел пятно над виском. Все хорошо, даже отлично.

«Скорей всего, через пару дней ничего уже не останется. И все, произошедшее вчера, растает, словно страшный сон. Но пока, пожалуй, придется снова наклеить пластырь».

О следствии как таковом он вначале почти не думал. А потом все-таки вспомнил о нем.

«Да, по-видимому, это какая-то огромная и довольно могущественная организация. Эдакий виртуальный монстр. Наверняка у нее есть тайные механизмы, а значит, и слабые места. Есть некая точка кристаллизации. Как у закаленного автомобильного стекла. Бьешь, бьешь – и камнем, и прутом, – ноль результата. А чуть стукнешь маленьким камешком в уголок – крак, и рассыпалась броня, которая казалась нерушимой. Так и с этой репрессивной машиной, которая спряталась, растворилась в нашей привычной жизни. Надо засунуть руку в темноту, нащупать тайный крючок, выдернуть его, вот машина и рассыплется. Колосс на глиняных ногах. Впрочем, если меня больше не будут беспокоить, я, пожалуй, не стану объявлять им войну. Пусть живут. Я человек благородный и абсолютно не мстительный».

В таком вот благодушном настроении он и отправился на работу.

Ему позвонили как раз в тот момент, когда он почему-то оказался в приемной Полупанова и никого другого там не было. Секретарь отдела убежала по поручению шефа к каким-то профсоюзным функционерам. КГ снял трубку – оказалось, что звонили именно ему. Как они выбрали такое время звонка, что именно он оказался сейчас в приемной?

Сообщили, что на воскресенье назначена встреча с дознавателем.

– Следствие носит предварительный характер. Допросы будут производиться со всей требуемой тщательностью. Мы бережем вас и не хотим переутомлять. Поэтому допросы будут не слишком долгими. Но их будет много. Вам придется навещать нас еженедельно. Потому что все заинтересованы, чтобы ваше дело не затягивалось и было разрешено как можно быстрее. Если вы спросите, почему для встреч выбран именно этот день – воскресенье... Из гуманных, из самых гуманных соображений – чтобы вы не чувствовали себя изгоем общества, могли каждый день вести обычную жизнь и достойно исполнять служебные обязанности. Мы посоветовались с товарищами и заранее предположили, что вы одобрите выбранную процедуру и график встреч. Потому что другие варианты – допросы по ночам с включением яркого света, направленного в глаза, обливание холодной водой, чтобы подследственный не засыпал во время беседы с дознавателем или следователем, подключение нескольких последовательно сменяющих друг друга следователей, – видимо, окажутся для вас затруднительными, вряд ли у вас при этом будет абсолютно свежая голова. Так что, если не возражаете, мы решили придерживаться именно такого расписания. Наверное, вам понятно и так, что пропускать эти встречи просто-напросто запрещено и никакие обстоятельства или причины, которые в обычной жизни считаются уважительными, ни следователем, ни судом приниматься в расчет или учитываться не будут. Манежный переулочек – вот куда вам нужно явиться.

Был назван номер дома.

КГ ответил, что очень хорошо знает дом на Манежном, но как ему туда попасть? Насколько ему известно, это «почтовый ящик», абсолютно закрытая контора, которой управляет то ли сын Берии, то ли сын Хрущева. И попасть туда совершенно невозможно.

На той стороне линии кто-то язвительно хмыкнул и произнес что-то типа: «Вот как? Ах, ах, вы так много обо всем знаете». А потом тот же голос добавил довольно строго:

– Возьмите паспорт, вас пропустят. И не опаздывайте, – сказал этот кто-то и повесил трубку.

Борис решил, что обязательно пойдет на встречу с дознавателем. Следствие началось. Что его ждет, какие подводные камни? Но он будет бороться, правда на его стороне. И он постарается, чтобы эти допросы быстро закончились.

«Не опаздывать», – мысленно повторил он слова звонившего. Как это можно сделать? Надо было хотя бы сообщить, во сколько следует прийти. В его конторе работа начинается в 8.30, но это уже слишком. Он не пойдет к дознавателю в воскресенье ни свет ни заря. Скорее всего, они начинают в девять часов. Пойдет к девяти. А если опоздает, ничего – перетопчутся. Повестки ему не вручили. Может, они вообще разговаривали с кем-то другим, а вовсе не с ним. А он ничего не знает. Но именно так он сказать не сможет. Ведь он все-таки придет – значит, разговаривали с ним. Но если даже опоздает... Ему же не сказали время. Он не намерен им ни в чем уступать.

Пока Борис задумчиво стоял у телефона, его окликнул заместитель начальника отдела Ивар Борисович Якобсон, недавно переведенный в отдел двигатelist, направленный к ним по решению парткома, чтобы укрепить телеметрию как новое техническое направление. Ивар Борисович совершенно не разбирался в электронике, тем не менее он старательно прочитал все необходимые книги и ему надо было поскорее показать всем этим молодым выскочкам типа КГ, что теперь именно он в отделе является реальным техническим лидером в области телеметрии, а конкретно с Борисом Илларионовичем у него сложились отношения необъявленного, но ожесточенного соперничества.

– Неприятные известия? – небрежно спросил Ивар Борисович, презрительно сморщив курносый прибалтийский носик, весь покрытый сеточкой красноватых прожилок. Почему в прожилках? Может, он пьет тайно, хотя ни в чем таком вроде не был замечен. Спросил Бориса, но вовсе не для того, чтобы ему ответили. Просто для того, чтобы Борис отошел от телефона.

– С чего вы взяли? Все просто-таки на просто отлично, – ответил КГ. Он посторонился, но почему-то не ушел.

Якобсон встряхнул русыми волосами, разделенными прямым пробором и спадавшими с двух сторон на уши, набрал нужный ему номер и, ожидая соединения, сказал:

– У меня к вам вопрос, товарищ Кулагин. Спортклуб объединения организует выезд на большой яхте – через Маркизову лужу к фортам, где мы высадимся для приготовления и общественного поедания шашлыков. Собирается интересное общество. Функционеры нашего объединения и несколько человек со стороны. Будут и ваши знакомые. Среди них, между прочим, и прокурор Мессерер. Не окажете ли вы честь присоединиться к нашей компании? Будет очень интересно. Приходите непременно.

КГ ловил каждое слова назначенца по рекомендации парткома. Во-первых, безусловно, это попытка примирения, некоторый показатель жест отступления. Во-вторых, такое приглашение показывало, что КГ стал в отделе незаменимым человеком. А также и то, что второй по значению человек в отделе ценит дружбу с ним, ну, а если и не дружбу, так во всяком случае – беспристрастное и даже лояльное его отношение к вновь пришедшему заместителю начальника отдела. Вроде сказано вскользь, между прочим. Но ведь КГ не лыком шит, он видит этого латышского стрелка насквозь: «попытка заискивать, заискивающий тон». Так-так. Неплохой повод поставить его на место. Как говорят рабочие макетной мастерской, – «опустить».

– Мне остается только искренне и от всей души поблагодарить вас за такое лестное предложение. Но в это воскресенье я занят, у меня, к сожалению, серьезная встреча. А так бы я обязательно поехал с вами. Тем более что там будет прокурор Мессерер, давний друг моих родителей. Вот если поездка состоится в следующее воскресенье...

Ивар Борисович не услышал последнего пассажа КГ, потому что на том конце провода, видимо, сняли трубку и замдиректора начал разговор со своим визави. КГ находился в какой-

то прострации, он так и остался стоять у аппарата. Борис пришел в себя только когда телефонный разговор Jakobson закончился. Первым ощущением КГ был испуг и стыд за свое неуместное стояние рядом с аппаратом и как бы подслушивание чужого разговора. Этому всему надо было поскорее дать какое-то разумное объяснение.

– Видите ли, Ивар Борисович, мне позвонили и пригласили в одно место по очень важному вопросу, но забыли сказать во сколько.

– А вы возьмите и перезвоните.

– Знаете, в конце концов, это не так уж и важно.

– Ну, а если не важно, так незачем и идти. И, кстати, снимите ваш пластырь. Он немного отклеился и видно, что там уже почти ничего нет. Уберите, а то о вас создается какое-то неприятное и, возможно, превратное впечатление.

Замдиректора бросил еще несколько фраз, связанных с текущей работой, КГ буквально насильно заставил себя что-то ответить. Но это получилось у него крайне невразумительно. Потому что Борис все время думал, что завтра в Манежный переулок надо прийти все-таки к девяти часам.

В воскресенье дул пронзительный вечер, постоянно капал дождь. Была холодная, промозглая погода. КГ чуть было не проспал, потому что всю ночь думал о том, что с самого начала необходимо дать бой этому дознавателю. Следует вести себя предельно жестко и ни в чем не давать ему спуска. Дознаватель представлялся ему огромным звероподобным мужчиной с большими руками, в которые въелась многолетняя грязь, неизвестно откуда взявшаяся, но связанная, видимо, с его долгой и довольно нечистоплотной профессиональной работой по огульному очернению ни в чем не повинных трудящихся нашего социалистического общества.

Всю ночь он репетировал резкие и даже разящие ответы, которые он даст на дурацкие и бессмысленные вопросы дознавателя. Ворочался, кряхтел, а наутро заснул и чуть было не проспал. Вначале осмотрел то, что было под пластырем, – снимать его, пожалуй, рановато. В общем, встал он довольно поздно и поэтому не смог уже позволить себе позавтракать и, приведя себя в порядок, тут же отправился в длинный путь: вначале пешком, потом на метро с пересадкой с ветки на ветку, опять пешком – и вот он шаг за шагом приближается к означенной конторе, расположенной в Манежном переулке.

Борису хотелось, чтобы никто не был причастен к этому его походу к дознавателю. Хотеть хотел. Но тем не менее в вагоне метро напротив себя – ну, не совсем напротив, скорее наискосок, – он почему-то увидел Реликтова и Рецептова. Постарался сделать вид, что не заметил их. Они тоже делали вид. А на самом деле – искоса поглядывали на него и почему-то посмеивались. На остановке «Чернышевская» КГ первым выскочил из вагона, чтобы не столкнуться нос к носу с этими двумя, и, поднявшись по эскалатору, сразу двинулся в сторону Манежного. Чувствовал, что опаздывает, и поэтому временами переходил на бег. Ему не хотелось, чтобы кто-то увидел, что он спешит и тем более бежит, но тем не менее когда он шел, вприпрыжку переходя на бег, по Салтыкова-Щедрина, его обогнал трамвай, и в окне он заметил физиономии тех же самых Реликтова и Рецептова, – ну, куда от них не деться! – которые внимательно следили за ним и наверняка что-то друг другу говорили.

Наверное, оба смотрели с удивлением, как бежит их технический руководитель. КГ показалось, что не с удивлением, а со злорадством. «Нет-нет, надо обязательно поговорить с Евгением Тимофеевичем. Их обоих следует непременно уволить. С формулировкой: «за утрату доверия». Или еще лучше: «за нарушение режима работы с секретными документами». Пожалуй, мне надо было тоже ехать, а не идти. А с другой стороны, как же это все-таки унижительно – показывать следствию свое рвение и пунктуальность». И, тем не менее, он бежал и бежал, хотя никто не назначал ему точного времени.

«Вот оно, уже видно это здание, я к нему подхожу». Воротник рубашки, стянутый галстуком, вспотел, лоб тоже заливал пот, смешанный с мелкой дождевой моросью.

«Что я делаю, что я делаю? На шляпе изнутри будут теперь сальные пятна. Вот я бегу, спешу куда-то... А вдруг как раз в эту секунду из окна своего служебного кабинета на улицу посмотрит следователь и увидит меня, увидит, что я, весь в поту, то бегу, то перехожу на быстрый шаг, с этой нелепой блямбой на лбу, что он обо мне подумает? Почему я все время иду у них на поводу?» – бормотал он, но остановиться никак не мог.

С первого взгляда на обшарпанное и невыразительное здание – похоже, что когда-то оно было, видимо, конным манежем, – становилась понятной первопричина названия этого переулка. Значит, подумал он, внутри должен быть большой двор, где выгуливали лошадей или занимались их выездкой, а вокруг – невысокие 2-3-этажные здания.

«Интересно, сохранился ли там запах навоза?» – с некоторой долей презрения подумал Борис Илларионович и, поднявшись по ступенькам на высокое крыльцо, вошел в проходную. Вахтер заметил наклейку на его лбу и, не глядя на протянутые документы, спросил:

– В суд?

– К дознавателю, – ответил КГ.

– Это, мил-человек, одно и то же. Иди, любезный. Жаль мне тебя, такой молодой, а вот, гляди же, сгубил свою юную жизнь.

– Почему вы так скоропалительно решили? Я ведь ни в чем не виноват. Разберутся...

– Все так говорят. А не говорить надо, а думать. Раньше надо было думать. И не попадать в шестеренки этой машины. Она всех перемалывает. А муку по ветру развеют.

– Вы так уверены, что мое положение безнадежно?

– Почему же безнадежно? Надежда всегда есть. А с другой стороны, не чувствовал бы ты за собой вины, так и не пришел бы сюда. Плюнул бы и не пошел.

– Нет, я должен им доказать, мое дело правое.

– Все так считают. А правосудию все равно, прав ты или виноват. Разве кошка думает, что мышка ни в чем не виновата? Она просто ее съедает. Потому что любит кушать мышек. Вот то-то.

– Вы не понимаете, в какой стране мы живем.

Вахтер вдруг успокоился, насупился и решительно сказал:

– А ты понимаешь, стал быть. Ну проходи, раз решил, понимаетель. Посмотри на перед входом какой лозунг.

КГ поднял глаза. Впереди был выход во двор. Над этим выходом во всю стену был растянут огромный лозунг: «Коммунизм неизбежен!» Когда-то фон у него был белым, а буквы – красными. Сейчас лозунг выцвел, пропитался пылью. Его фон, засиженный мухами, стал серо-коричневым, а буквы – серо-зеленоватыми.

«Духоподъемный лозунг», – подумал Борис и вышел во внутренний двор здания.

Вокруг двора, по которому когда-то выгуливали лошадей, теснились невысокие жилые дома. Бедные обшарпанные дома, густонаселенные квартиры. «Неужели отпрыски Берии или Хрущева могут работать в таких условиях? Интересно, где здесь они могут разрабатывать свои знаменитые лучшие в мире ракеты?» – подумал Борис.

Во дворе, несмотря на воскресный день, царил оживленный обстановка. По кругу, покачиваясь из стороны в сторону, катил очень старый и ржавый допотопный грузовик, видимо, довоенного производства. За рулем сидел мальчик лет десяти, рядом – небритый мужчина в майке, с сигаретой на оттопыренной губе. Видимо, инструктор. Он размахивал руками и кричал: «Влево, вправо, куда рулишь, сучонок?» Грузовик зигзагами несся по ухабам, сшибая изрядно помятые водосточные трубы и чуть не задевая стены. Зеваки, случайные прохожие

и тощие кошки шарахались от грузовика, успевая все же в последний момент выскочить из-под колес.

Из открытых, несмотря на плохую погоду, окон со всех сторон выглядывали люди: мужчины в растянутых выцветших футболках или в мятых рубашках не первой свежести, неопрятные и несимпатичные женщины с растрепанными головами – все кричали, что-то советовали – то ли юному водителю, то ли инструктору. Играли в карты и домино, многие курили, в их числе было немало женщин.

В полуподвальных помещениях что-то ремонтировали, кто-то стирал белье. На лавочках сидели старухи и мамы с детьми. Жизнь была ключом – все говорили, что-то обсуждали. Чей-то женский голос со двора вдальблывал кому-то через открытое окно второго этажа: «Ваньк, присмотри за дитем. Если что с ребенком случится, привяжу одну ногу к водосточной трубе, другую – к грузовику, порву как цыпленка». Из одного окна неслись звуки: «Я коней напою, я куплет допою...», из противоположного – еще громче: «Йеллоу субмарин».

«Выходной, потому и в карты режутся, все дома, что им еще делать? – подумал КГ. – Удивительно, что не видно никого с пивом и водкой. Наверное, внутри квартир прячутся, режимное учреждение все-таки. Не исключено, что это общежитие квартирного типа. Вокруг двора проходит длинный коридор. С двух сторон крошечные квартирки без кухни, ванной и туалета. Общее пользование – по одному у каждого флигеля».

КГ хорошо знал такие дома – общежития для семей военных – на Артиллерийской улице и на Литейном проспекте. Тут до него дошло: «Что они вообще все здесь делают, как коммуналки уживаются с высокоточными цехами по производству ракет? Как этот сброд сюда попадает? По пропускам, наверное. Почему это все? Да еще какие-то дознаватели. Наверное, есть еще и следователи, и судьи. Компот какой-то. Может, такая изощренная форма легендирования основной деятельности предприятия? Почему это все так неряшливо и бесстыдно?»

«Коммунизм неизбежен», – мелькнула в голове игривая мысль.

Пробило девять. Где здесь часы? КГ внезапно успокоился, девять часов – он на месте. Вопреки своему обыкновению, КГ не торопясь осматривал двор, внимательно приглядываясь к окружающим, стараясь осознать и запомнить все детали происходящего.

На деревянном ящике из-под водки сидел человек с расстегнутыми рубашкой и брюками, читал «Ленинградскую правду». Неожиданно он отвлекся от чтения, уперся взглядом в КГ и, скривив губы, сказал, тыкая черным ногтем пальца в газету:

– Правда. Это все правда. Ты хоть понимаешь это? Вряд ли... Что ты вообще понимаешь?

Между двумя флигелями натягивали веревку. На ней уже висели выстиранные розовые и голубые женские нижние штаны с начесом. Несколько человек руководило процессом, почему-то осторожно оглядываясь на КГ.

Полураздетая худая девица навалилась на тугую ручку водяной колонки и, пока с шумом наполнялось оббитое эмалированное ведро, не сводила с КГ глаз.

«Что за организация такая? Суд, следствие... Они здесь работают и здесь же живут. Птицу видно по полету. Срамота одна. Так, где эта контора? Вывесок не видно. Напротив самая большая дверь. Двустворчатая. Очень высокая. Напоминает ворота. Сюда, наверное, раньше экипажи въезжали. Еще три двери, но поменьше. Скорее всего, сюда, в главную. Нет, какое все-таки свинство! Не сказали во сколько, не объяснили, где этот кабинет. Какое неуважение, невнимание! Мол, будьте довольны, что мы вас вообще не пригласили ночью. Да я и не пошел бы ночью.

Не те времена нынче. Если бы у меня был выбор: ночью к следователю или к моей Клэрочке – что бы я выбрал? Двух мнений быть не может. Нет, я им скажу об их недостойном и пренебрежительном поведении твердо, настойчиво и недвусмысленно. Они должны понимать, что с такими людьми, как я, нельзя обращаться абы как. И чтобы это больше не повторялось. Вы меня поняли? – так я им и скажу. И, пожалуйста, предъявите ваши полномочия».

КГ протиснулся в щель огромной, тяжелой двери, ему открылась узенькая лестница, совершенно не соответствующая помпезному входу. Возможно, эту кривоватую лестницу пристроили в более поздние времена, когда здесь уже не было ни лошадей, ни карет.

Нет, он выбрал этот вход не случайно. Как там говорил Димон? Закон непременно придет туда, где есть преступление или где есть подозреваемый. Что бы это значило? Арестованный, подозреваемый в преступлении... Закон и преступление притягивают друг друга. Так устроена вселенная. Значит, случайно зайдя в эту парадную, он непременно найдет искомый кабинет дознавателя.

На первом этаже никого не было. Сверху по ступенькам скатился мячик. Толпа мальчишек с криками промчалась мимо Бориса. Двое застряли у его ног и, хватаясь грязными руками за брюки, стали прятаться друг от друга. КГ хотел оторвать их от себя, но боялся, что может сделать им больно и они закричат. Ему совсем не хотелось привлекать к себе чье-либо внимание. Следующий раз надо бы взять с собой конфеты. Бросил бы горсть карамелек вниз, они и убежали бы за ничтожной подачкой.

Второй этаж. Здесь все и начинается. Дверь с лестницы вела в коридор, убегающий в дымную, мутную даль. Как он и предполагал, по обеим сторонам – множество дверей. Все двери открыты. Почти все. За ними – крошечные комнаты. Взад и вперед бегали дети. Во многих комнатах на кроватях лежали полураздетые люди – кто-то болел, кто-то просто валялся, одна женщина положила подушку прямо на пол у порога своей двери. В других комнатах сидели за столом. Курили, ели картошку с селедкой и луком, ели яичницу с макаронами.

Пробежала стайка озабоченных девочек-подростков. Борис посмотрел на группу сзади, в этом слабоосвещенном коридоре ему показалось, что на хулиганистых девчонках ничего не было, кроме коротеньких фартучков. Глядя на круглые попки и голенькие трогательные плечики – или просто обтянутые тонким трикотажем телесного цвета, разве разберешь в этом мглистом полумраке? – КГ почувствовал, что ему совсем не хочется спрашивать у окружающих, где находится кабинет дознавателя. Может, кстати, его правильной называть кабинетом следователя.

Борис дошел до общей кухни, там был пар, чад и что-то стряпали. «Как спросить? Надо спросить о ком-то, связанном с законом. У мадам Гаулейтер племянник – лейтенант КГБ. Его зовут, кажется... Редько его фамилия. Буду узнавать, где можно найти лейтенанта Редько».

Он зашел на кухню и, вместо того, чтобы задать вопрос о лейтенанте Редько, спросил о совсем другом:

– Извините, вы не скажете, как далеко идет этот коридор? Мне говорили, что надо идти до самого конца.

Из кухонного чада выскочило огромное красное распаренное женское лицо и произнесло, отдуваясь:

– Коридор идет вдоль Салтыкова-Щедрина, потом поворачивает направо, потом налево вдоль Манежного переулка, потом опять направо, идет вдоль улицы Восстания, доходит до Невского, а там по Невскому, Лиговке и до Обводного канала. Дальше не знаю. Никогда туда не ходила. Да и вам не советую. Впрочем, я вижу, вы, как все, кто с галстуком ходит, себе на уме. Что вам слушать меня, простую необразованную бабу? Делайте, что считаете нужным.

Сказала и снова исчезла в кухонном чаду.

КГ, обескураженный, побрел дальше.

Кого он ни спрашивал, никто не знал, где заканчивается коридор. Никто не доходил до его края. Бесконечные проходы, закоулки, тупички, переходы, поворотники. И двери, двери, двери. Иногда – шикарные, резные, но чаще – дощатые, ветхие, щелястые, обшарпанные, облупившиеся, обитые железом, крохотные, покосившиеся, с помпезными литыми рукоятками, с жалкими ручками на одном гвозде, вообще без ручки... Жилые комнаты, чуланы, кладовки, коммунальные кухни, сортиры, убогие закутки, которые с большой натяжкой можно было

назвать ванными комнатами. За дверьми живут трудящиеся, одинокие, семьями, за каждой дверью все новые и новые семьи. Молодые рабочие, студенты, совсем старые, мыслители, музыканты, учителя, пенсионеры, мелкие клерки, чиновники, медсестры, церковные служки – похоже, кто только не обитал за этими дверьми. Представителей властей предрежащих он здесь не заметил. Власти и партноменклатура не живет в коммуналках. Разве что кто-то забежит по делу, на минутку, и тут же убежит, брезгливо сбрасывая с себя мимолетные впечатления, – так думал обо всем этом Борис.

За дверьми тишина. Или тихо звучит музыка. Смех. Всклипывание, кто-то плачет за дверью. Выбегают и забегают какие-то дети. Кто-то рассказал ему, что побывал однажды в комнате, окна которой выходят аж на Обводный канал. Как? Этого не может быть, это же совсем другой район Ленинграда. Вот так. Видать, все возможно на древней Петербургской земле.

Если комната открыта, сразу видно, что это никак не кабинет следователя. А если закрыта... КГ стучал в закрытые двери. Открывали старики, школьники, женщины с грудничками.

– Где я могу найти лейтенанта Редько?

Все принимали деятельное участие в его поисках.

– Манюня, ты не знаешь, где найти лейтенанта Редько? – кричала в открытую противоположную дверь мамаша, засовывая розовую сисю в рот своему младенцу. Зачем кричала? Он и так видел, что в комнате, из которой вышла мамаша с младенцем, никакого следователя не было.

Многие очень переживали, они понимали, насколько для КГ важно отыскать лейтенанта Редько. Долго думали, расспрашивали соседей. За ним уже шло несколько человек, разыскивая какую-то дальнюю квартиру, где, по их мнению, молодой лейтенант может снимать комнату. Может, вам нужен лейтенант Реж-ко... А может быть, Руцкой... Нет, вы точно знаете?

Какая бессмысленная затея! Приветливый молодой человек, видимо, студент, затаскал его по комнатам и этажам. Борис решил прекратить поиски и попрощался с милым студентом. Идея, которая вначале показалась ему столь интересной, ничего не дала, поиски закончились полным фиаско.

КГ поднялся на второй этаж, где он уже был несколько раз, и, раздражаясь на самого себя, постучал в первую попавшуюся дверь. Никто не ответил. Он положил руку на дверь и чуть надавил. Дверь легко открылась. Как бы сама собой. Прямо перед глазами – часы. Десять часов. Ровно. В узком коридорчике перед небольшой комнатой – наклонившись вперед, попой к Борису, – молодая женщина с подоткнутым под трусы подолом, оголяющим белые крепкие ноги, мыла пол. Выглядело это довольно заманчиво, ничего не скажешь. Услышав скрип открывающейся двери, женщина выпрямилась и, вытирая довольно мускулистые руки тряпкой, повернулась к вошедшему.

Нюра Ишкинина. Это она. Аппетитная татарочка: брови взлет, раздувшиеся ноздри небольшого носика и острые соски, оттопыривающие тонкую кофточку. Это она, его бывшая школьная одноклассница, когда-то вызывавшая его первые эротические грезы и переживания.

Нюра совершенно не удивилась.

– А, это ты, Борис? – сказала она скучным, обыденным голосом и, взглянув мельком на его лоб с наклейкой у виска, спросила, видимо, для порядку: – Как ты сюда попал?

– Привет, Нюра. Видишь ли, я ищу лейтенанта Редько, – по инерции сказал он, последними словами ругая себя за глупость.

– Ну, тогда тебе сюда, – ответила Нюра и открыла небольшую соседнюю дверь. – Пожалуйста, проходи.

За дверью оказался большой зал с неровным дощатым полом, подслеповатыми окнами и очень низким потолком. Из-за спины Нюры выскочил белобрысый веснушчатый мальчишка

с веселой улыбкой и синяком под глазом. Штаны у него держались, как у Тома Сойера, на одной лямке, перекинутой наискосок через плечо. Он схватил Бориса за руку и потянул вглубь зала – «Пойдемте, пойдемте!». В самом конце зала у окна стоял ветхий обшарпанный стол с двумя тумбами. За ним спиной к окну сидела жгучая и довольно плотная брюнетка. На ней была рубашка защитного цвета без знаков отличия, плотно облегающая рельефы ее крепкой фигуры, и, как Борис успел заметить в просвете между тумбами стола, юбка в обтяжку – тоже защитного цвета, средней длины, не скрывающая круглые колени и ядренные ножки. «Пожалуй, слишком волосатые. Не очень-то женственно это выглядит, производит обратный, так сказать, эффект, хотя как на это посмотреть, почему она, кстати, не надевает колготки?» – подумал Борис.

На столе красовалась затертая выцветшая табличка: «Капитан Вагинян».

Мальчик оставил руку Бориса, подбежал к женщине. Пытался ей что-то сказать. Та углубилась в изучение потрепанной и засаленной амбарной книги и не обращала на ребенка внимания. Он несколько раз дернул ее за рукав. Капитан Вагинян наконец оторвалась от своего, видимо, очень увлекательного занятия, скептически взглянула на мальчика и после некоторой паузы все-таки наклонилась к нему. Тот шепнул ей что-то на ухо и убежал.

«Мадам дознавательница», так мысленно окрестил ее Борис, опять занялась исследованием материалов своей амбарной книги – интересно, что там может быть интересного? – потом посмотрела на часы, обвела взглядом зал и будто бы с удивлением обнаружила там Бориса.

Некоторое время она очень серьезно рассматривала галстук, костюм, аккуратную прическу Бориса, которую он успел восстановить перед входом в зал, скользнула взглядом по наклейке на лбу, потом спросила:

– Вы сантехник? У нас засор в туалете, вы можете привести его в надлежащий порядок? Но это потом. Почему, кстати, вы пришли к нам в такой одежде? В нашем пролетарском государстве вам незачем стыдиться своей рабочей одежды.

– Я – инженер-проектировщик, начальник сектора телеметрии в НПО «Базальт», слышали о таком? А зовут меня Борис Илларионович.

Капитан Вагинян насмешливо улыбнулась и спросила:

– Кулаков?

– Не Кулаков, а Кулагин.

– Так-так. Что-то я сомневаюсь в этом. Ну да не важно. Вы опоздали на один час пятнадцать минут.

Борис подумал, что сейчас только десять часов пять минут, никак не пятнадцать, да ему и не было назначено время приема.

Но он твердо решил, что следует больше наблюдать, чем объяснять, и промолчал.

Женщина встала и выпрямилась, отчего петельки для пуговиц на ее рубашке заметно растянулись, с трудом удерживая давление могучей груди. «Восхитительные перси, капитан – молодец», – подумал Борис, и у него на мгновение перехватило дыхание.

– Вы, Кулаков, должны были явиться ко мне ровно один час пятнадцать минут тому назад, – сказала «мадам дознавательница», повысив голос.

– Кулагин, ваша честь. Не понимаю, как вы исчисляете мое опоздание. Пусть это так и останется неразрешимой загадкой для меня. Но ведь я уже здесь.

– Я распустила всю комиссию и свидетелей и теперь никоим образом не обязана вас допрашивать.

– Раз не обязаны, то и не допрашивайте, – примирительно сказал Борис.

– Хорошо, поскольку допроса так и так не будет, пойду вам навстречу. В качестве исключения. Но чтобы в дальнейшем никаких опозданий. Вы меня поняли?

– Понял, конечно. Но в чем вы пойдете мне навстречу? Кстати, извините, не знаю, как обращаться к вам, товарищ капитан или как-нибудь по-другому?

– У нас не тюрьма и не место лишения свободы. Мы не палачи и не вертухаи – так ведь называет надзирателей либеральная молодежь вроде вас? А вы не заключенный. Ваша вина пока не доказана. Пока. Поэтому пока... вы можете обращаться ко мне по имени-отчеству. Эсмеральда Вагиновна, – сказала она внезапно дрогнувшим голосом и как-то особенно выразительно посмотрела на Бориса своими огромными выпуклыми глазами в обрамлении густо накрашенных ресниц. – Подойдите поближе, какой вы все-таки робкий. Садитесь. Вот вам разлинованные листы бумаги и ручка. Не пишет? Возьмите эту. Пишите чистосердечное признание. В конце обязательно надо добавить: «написано собственноручно без физического и психологического давления со стороны органов дознания, ФИО, расшифровка, подпись».

– В чем признание? Я не знаю до сих пор, в чем меня обвиняют.

– Пишите обо всех ваших деяниях, Борис Илларионович, пишите чистосердечно. Пишите, пока я добрая, – сказала «мадам дознавательница», сказала как отрезала, снова села, приняла официальный вид и занялась чтением вожаденной амбарной книги.

«Писать или не писать? – подумал Борис. – Почему нет? Раз просят, опишу все, что было. Ничего, им мало не покажется».

Я – такой-то, такой-то. Такого-то числа утром я был арестован. Самый этот факт и его формулировка никак не могут быть приняты всерьез и у любого здравомыслящего человека не вызовут ничего кроме гомерического смеха. Посудите сами. Меня застали врасплох. Судя по словам обаятельной дознавательницы, возможно, был приказ арестовать некоего сантехника Кулакова, не исключая, что это был справедливый приказ – арестовать за неисполнение, например, или ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей, но выбор почему-то пал на меня.

В мою квартиру ворвались два грубияна. Их натиск, напористость и безапелляционность подошли бы на случай ареста самого что ни на есть закоренелого преступника, но никак не подходит на случай посещения места жительства добропорядочного гражданина нашей страны, тщательно выполняющего все предписания вышестоящих органов и живущего в точном соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма. То, что арест производился без санкции прокурора и без документов, удостоверяющих личность охранников, этого им показалось мало. Они наговорили мне с три бочки арестантов, пытаясь подчинить меня своей воле и запугать. А когда это у них не получилось, стали вымогать взятку, ссылаясь на собственное трудное финансовое положение. Какие могут быть финансовые трудности в нашем обществе, главный принцип которого: «От каждого – по способностям, каждому – по труду!» Трудитесь, и у вас будут средства на жизнь. Потом они попытались выманить у меня вещи: белье, прекрасный импортный халат, требовали денег, якобы для того, чтобы принести мне завтрак. Зачем мне приносить из кафе черствый завтрак, если у меня есть свой? Свой, который они благополучно съели, даже не испросив разрешения на это. Не только не спросив разрешения – даже не уведомив меня об этом предварительно. Один из них, весь потный и отталкивающий, все время пил принесенное с собой пиво. Он ведь был на работе. И, несмотря на это, беззастенчиво распивал спиртные напитки. Своего подчиненного я за такое поведение немедленно бы выгнал с работы и предал в руки судебных органов за грубое нарушение трудовой дисциплины.

Но они и на этом не остановились. Как потом выяснилось, перед приходом ко мне они довольно бесцеремонно обошлись с пожилой женщиной Евдокией Прокопьевной, к сожалению, до сих пор не знаю ее фамилии, нашим вахтером, заслуживающей только уважения и благодарности своей безупречной жизнью и самоотверженным трудом.

Этого им показалось мало, они надругались над моей подружкой Кларой, невинной чистой девушкой, студенткой техникума легкой промышленности, посмеялись и надругались под смехотворным предлогом, что она якобы была без трусов. Надругались, правда, не в пол-

ном объеме, но это, мне кажется, дело случая, ей повезло, просто они спешили арестовать сантехника Кулакова, тоже, кстати, возможно, абсолютно невинного человека.

Шли к Кулакову, но арестовали почему-то меня. А потом грубым окриком на эдакий солдафонский манер вызвали и проводили в соседнюю квартиру, где в одной из комнат проживает очень интеллигентная молодая дама, к которой я испытываю искреннее почтение и уважение во всех смыслах этого слова. Там меня ожидал некий безымянный инспектор, который вместе с той же самой стражей осквернил эту комнату своим солдафонским присутствием. И, самое главное, он осквернил, а получается, что все это произошло, в том числе, и по моей вине. Что было в высшей степени подло и оскорбительно. И возмутило меня до глубины души этой недопустимой выходкой. Но я сдержался и не вышел за рамки приличий. Вызовите этого инспектора, и он подтвердит, что это было именно так, если он не совсем уж отъявленный негодяй.

Сохраняя полное самообладание, я спросил инспектора: «Кто вы такой? Предъявите ваши документы, извольте объяснить, на каком основании я арестован?» И что вы думаете, уважаемая товарищ дознаватель? Что вы скажете мне, умная, образованная и к тому же весьма красивая женщина, облеченная властными полномочиями? Что вы думаете, он ответил? Сидел будто аршин проглотил, наглый, безответственный, понимающий свою полную безнаказанность.

Ничего он мне не ответил. Возможно, он ничего и не знал. Просто-напросто арестовал меня – это, видимо, для него совсем плевое дело, – и больше ничего, ни-че-го его абсолютно не интересовало. Как человек, совсем еще молодой человек, мальчишка в сравнении со мной, получивший кусочек власти, – не знаю, какие органы дали ему полномочия, столь несоизмеримые с его реальным человеческим уровнем? – может столь пренебрежительно относиться к своим должностным обязанностям?

Мало этого, он взял с собой в качестве свидетелей двоих молодых сотрудников с моей работы. Все это преследовало одну-единственную цель. Мои юные коллеги, так же как и вахтер баба Дуся, так же как пожилые дамы из соседних домов, которые через окно наблюдали всю эту безобразную сцену, должны были распространить информацию о моем аресте, о моем фиктивном аресте, фиктивном и даже виртуальном аресте, – глубоко убежден, что столь эрудированная дама, как вы, безусловно, знает, что такое виртуальный, – потому что вот он я, никто не лишил меня свободы. И к вам я пришел самостоятельно, в соответствии с собственным глубоким убеждением, что надо всячески способствовать правосудию в его работе по наведению порядка в нашем самом справедливом в мире социалистическом обществе. При входе в ваше учреждение висит лозунг «Коммунизм неизбежен», и мы все это глубоко понимаем и осознаем.

Так вот. Он хотел, чтобы информация о моем аресте распространилась как можно шире с тем, чтобы это подорвало мою репутацию и повлияло на мое служебное положение. И это все – несмотря на то, что мы в нашей передовой конторе куем оборонный щит нашей Родины, столь важный в условиях враждебного нам капиталистического окружения.

Хочу добавить еще: эти мои коллеги, два низших чина, беспардонно рассматривали фотографии моей соседки, на которых она была достаточно оголена, потому что большинство ее фотографий было сделано на пляже. Рассматривали, рассматривали, а потом всячески раскидали эти фотографии.

Но ни у кого из них ничего путного не получилось. Моя соседка восстановила удобный ей порядок фотографий, когда вечером вернулась домой с работы. А Евдокия Прокопьевна, совершенно простая женщина, даже у нее хватило благоразумия понять, что такой арест имеет значения не больше, чем если бы две дворовые собаки подрались из-за третьей собаки женского пола. Повторяю, на меня эти события особенно не повлияли, потому что я не придавал им особого значения. Но ведь могло быть и значительно хуже, не так ли?

Борис прочитал исписанные листки, с удовлетворением отметил, что он, видимо, выполнил свою миссию в полном объеме. И подписал снизу, добавив положенные «собственно-ручно» и «без давления со стороны органов».

«Мадам дознавательница» бегло прочла написанное и красным фломастером подчеркнула особо понравившиеся ей места, такие как: «обаятельная дознавательница», «умная, образованная и к тому же весьма красивая женщина» и «эрудированная дама».

– Ну что же, неплохо, – сказала она. – На сегодня, пожалуй, достаточно. Вы неплохо потрудились, но это совсем не то, что от вас требуется.

Где здесь чистосердечное признание? Да вы не волнуйтесь. Куда нам с вами спешить? Следующий раз вернемся к этому вопросу. А пока подойдите ко мне. Да-да, обойдите стол. Ближе, ближе. Обнимите мои ноги. Да не робейте вы так, что вы, женских ног не видали? Обнимайте, обнимайте. Если хотите поцеловать, поцелуйте. Хорошо, продолжайте. Юбка узковата – извините, такие требования к форме. Я ее немного подниму, чтобы не мешала. Хорошо, хорошо. Закон не суров. Закон ласков с теми, кто уважает закон, с теми, кто любит закон. Кто усерден в выполнении своего долга перед законом. Хорошо, хорошо, хороший послушный мальчик. Я верю, что ты ни в чем не виноват. Продолжай, не останавливайся, у тебя умелый, трудолюбивый язычок.

Борису вспомнилась картина Курбе «Происхождение мира», это было очень похоже. Правильно ли он поступил, что позволил этой женщине так приблизить себя? В конце концов, от нее, наверное, многое зависит. И потом... она довольно эффектная дама. И явно готовилась к его приходу, судя по отсутствию определенного аксессуара женской одежды. А может быть, все было не так – она незаметно удалила этот аксессуар, пока он писал объяснение. Неплохо было бы, если бы этот аксессуар когда-нибудь оказался в его коллекции. Возможно, это эффектная концовка его дурацкого ареста, духоподъемная сцена. Но не факт, что он больше никогда ее не увидит. Вспомнились эротические кадры из «Восемь с половиной» Феллини. «Неплохо было бы добраться до ее фантастической груди», – подумал Борис. Но знаков согласия, несмотря на его попытки, пока не последовало.

Он услышал шорох за спиной. Краем глаза увидел, что в кабинет вошла Нюра.

– Вы уже закончили допрос свидетеля, Эсмеральда Вагиновна?

– Почему ты интересуешься, дорогая?

– Так это же Боря, мой соученик. Я всегда ему симпатизировала.

– Симпатизировала. Это было когда-то. Теперь ты замужняя дама. Твой муж работает в таком солидном учреждении. Иди сюда, Нюра, еще ближе.

Борис почувствовал, как Нюра запустила пальцы в его шевелюру.

– Не останавливайтесь, Борис Илларионович, не останавливайтесь, – услышал он голос «мадам дознавательницы».

Приподняв на мгновение голову, он заметил, что Эсмеральда Вагиновна расстегнула кофточку Нюры и принялась ласкать ее красивую грудь. Нюра закатывала глаза и поощрительно гладила волосы Бориса.

– Как я поняла, вы разрешили ему сделать чистосердечное признание, – сдавленным голосом спросила Нюра. – Это для него хорошо?

– В самое неподходящее время... Хорошо ли для него? Я бы так не сказала. То, что опоздал и не было допроса, это ему в минус. Начальство посмотрит на это без одобрения.

– Так, может, для него лучше, если все-таки провести допрос?

– Время ушло, люди разошлись. Ты знаешь, у нас принято, чтобы на допросе была комиссия. Не меньше ста человек.

– Вы же знаете, все можно изменить. Я хотела бы помочь Борису. Он у нас был самый перспективный. Разрешите начать все сначала.

– Ты считаешь, ему что-то еще может помочь?

Эсмеральда Вагиновна оторвалась от груди Ньюры, выпрямилась, свела ноги и одернула юбку.

– Не знаю почему, но сегодня я настроена благодушно и легкомысленно. Хорошо, так тому и быть. Начнем все сначала. Сколько сейчас? Почти одиннадцать. В протоколе напишем – девять. Иди, ты знаешь, что надо делать. Встаньте, Борис Илларионович. Сегодня ваш день, вам везет. Да приведите вы себя в порядок. Как вы выглядите? Будет комиссия, будет допрос, вам нужно предстать перед ними в должном виде. Наденьте пиджак, поправьте галстук, вот так лучше.

Нюра тоже привела себя в порядок, подошла к часам и перевела стрелку на без пяти девять. Нажала на кнопку под часами, раздался пронзительный звонок. Нюра покинула зал.

Через несколько минут дверь зала отворилась, и стали входить люди. В основном пожилые, некоторые согбенные, некоторые с палочкой, одеты, как правило, неопрятно, большинство – в костюмах с рубашкой и галстуком. Когда зал полностью заполнился, появились стулья. Кто-то сел на стулья, а кто-то встал на стулья, прямо за спиной сидящих. Потолок оказался настолько низким, что стоящие на стульях не могли полностью выпрямиться. Им помогали какие-то дети. Они приносили войлочные киргизские шапки, чтобы те, кто стоял на стульях, не обдирали голову о шершавый и пупырчатый грязный потолок. Появились свободные места, и вошли еще люди. Люди толпились так плотно, что КГ буквально прижали к столу дознавателя. Но в зале почему-то остался свободный узкий проход, разделивший собравшихся на две почти равные части.

Когда все разместились, Эсмеральда Вагиновна осмотрела зал и ударила пресс-папье по столу:

– Заседание комиссии объявляю открытым. На повестке дня предварительный допрос подозреваемого Кулакова.

– Я не Кулаков, ваша честь. Кулагин Борис Илларионович.

– У вас есть документ, удостоверяющий личность? Ладно, не показывайте, верю. Тот самый редкий случай, когда я могу с вами согласиться.

«Мадам дознавательница» полистала свою амбарную книгу, подняла глаза на Бориса и спросила:

– Итак, подозреваемый, соглашайтесь, вы сантехник?

«Опять это издевательство, – подумал КГ. – Я думал, все закончилось. Похоже, все только начинается».

– Нет, я начальник сектора телеметрии НПО «Базальт». Наше объединение занимается очень серьезными оборонными заказами.

Услышав это, левая половина зала – все как один начали хохотать, хлопать руками по коленям, у некоторых из глаз катились слезы. Кто-то поперхнулся в припадке смеха и долго не мог откашляться. Причем хохотали люди только в левой части зала. Все это было так заразительно, что КГ тоже стал смеяться.

Мадам дознавательницу это страшно рассердило. Она стучала по столу пресс-папье – зачем, интересно, ей пресс-папье? – давно используются шариковые ручки, а об обычных чернилах все уже позабыли лет эдак двадцать. Стучала, стучала, но понимала абсолютную бесполезность своих усилий.

Группа справа молчала. Люди спокойно переглядывались. Казалось, их совсем не удивил диалог дознавателя с подозреваемым в преступлении. Тем не менее Борису показалось, что они выслушали его тираду с одобрением.

– Ваш вопрос, товарищ дознаватель, очень хорошо индицирует характер всего этого начатого против меня дела. Это ведь не вопрос, а утверждение. И если вы действительно уверены, что надо допросить этого беднягу сантехника, то бишь слесаря Кулакова, то зачем, объясните,

пожалуйста, арестовали меня и наклеили на лоб эту позорную заплату? Вы ответите мне, что разбирательство собственно еще не началось. И здесь я с вами совершенно согласен. Потому что достаточно прочесть мое так называемое «чистосердечное признание», чтобы понять, что и разбираться-то тут не в чем. Но тем не менее я поддерживаю вас и признаю, что разбирательство как бы началось, и сделаю это исключительно из чувства симпатии к вам и признания вашего исключительного женского обаяния и привлекательности. При всем при том хочу вам в присутствии уважаемой комиссии заявить прямо и недвусмысленно: разбирательство, начиная с моего так называемого «ареста», идет крайне неряшливо с нарушением всех мыслимых и немыслимых процессуальных норм. Я все это говорю только для того, чтобы вы, Эсмеральда Вагиновна, сами это все прочувствовали и осознали.

КГ сказал последние слова очень резко. Он внимательно осмотрел помятые лица членов комиссии. В конце концов, он говорил все правильно и, конечно же, заслужил одобрения. Но возгласов одобрения не было. Наступила тишина. Все ждали, что теперь будет, чем разрешится эта непонятная ситуация. Сейчас, сейчас все взорвется, эта жгучая темпераментная брюнетка все поймет, и на этом, наконец... *finita la commedia*. Сердце его радостно екнуло. КГ пристально смотрел на капитана Вагинян. Казалось, его слова упали на плодородную почву.

В этот момент приоткрылась дверь и в зал тихо, на цыпочках, вошла Нюра Ишкинина. Все повернулись к ней. «Каждый раз она появляется в самый неподходящий момент, что за удивительная способность!» – подумал Борис.

Эсмеральда Вагиновна задумалась, села и снова погрузилась в свою амбарную книгу.

– Ну что вы, знойная женщина с Кавказа, там высматриваете? Неужели вы не понимаете – ничего вам не поможет. Что там за список моих прегрешений, вы аж затерли строки, бесконечно проводя по ним своими холеными руками, размягченными ланолиновым кремом – или что там вы используете? Мне не разрешено туда посмотреть, да мне и неинтересно.

Борис двумя пальцами взял за переплет амбарную книгу и брезгливо уронил ее на пол. Капитан Вагинян кинулась к брошенной книге, подхватила ее, разгладила руками помятые страницы и снова углубилась в изучение ее содержимого. Зрителями это было воспринято как свидетельство полного унижения дознавателя.

Правая половина зала продолжала смотреть безучастно на все происходящее, полагая, видимо, что они ничего не могут изменить.

Борису хотелось, чтобы они вышли из оцепенения.

– То, что со мной случилось десять дней назад и сегодня тоже, само по себе не имеет какого-либо серьезного значения. Главным образом потому, что кажется мне только забавным курьезом. И я тут борюсь и отстаиваю права – не свои и не для себя. Это все пример, как разбираются дела многих приличных, достойных и ни в чем не повинных людей. Я за них борюсь, за их права и вовсе не за свои.

Голос его гремел. Левая половина зала подняла руки, раздались аплодисменты. Кто-то кричал: «А ведь он прав, черт бы побрал этого сантехника. Так их, так их! Тем более с Кавказа. Bravo, bravo!»

Стоящие справа никак не отреагировали.

– Я заметил. Дознаватель дает вам тайные знаки. «Свистки» – вы свистите, «пренебрежение» – вы пренебрегаете, «аплодисменты» – вы хлопаете. Дирижер этой комедии, что же вы стесняетесь? Так прямо и говорите: «Свистите, хлопайте, молчите». Неумелая и неумная манипуляция. Хотя чего-то вы добились. Например, осмысленного осуждения меня, Бориса Илларионовича, со стороны моих сотрудников.

Люди, стоявшие далеко, у самой двери, не могли понять, в чем там дело, что случилось. Они тихонько расспрашивали соседей, а те что-то им отвечали, столь же тихо, прикрывая рот ладонью. Обе толпы смешались, одни показывали пальцем на КГ, другие – на капитана Вагинян.

– Вот и мной вы пытались манипулировать. Зачем вы устроили это как бы любовное представление? Или просто хотели побаловаться с хорошеньким мальчиком? А я-то отнесся к вашим причудам с почтением и даже, если хотите знать, с нежностью и теплом. Нет, вы просто хотели превратить меня в послушную игрушку, чтобы я верил каждому вашему слову и делал все, что вам заблагорассудится, не так ли? Неужели вы думали, что всерьез восприму весь этот неприличный балаган? Арест, дознание, суд. Что я совсем сумасшедший, так вы думаете, что ли?

Капитан Вагинян от смущения или от нетерпения заерзала на стуле. Борис почувствовал напряженное внимание аудитории к его словам. Никто не хлопал, никто не кричал, никто не отвлекался. Казалось, все уже в чем-то убедились или готовы были убедиться. КГ мог теперь говорить не торопясь и совершенно тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.